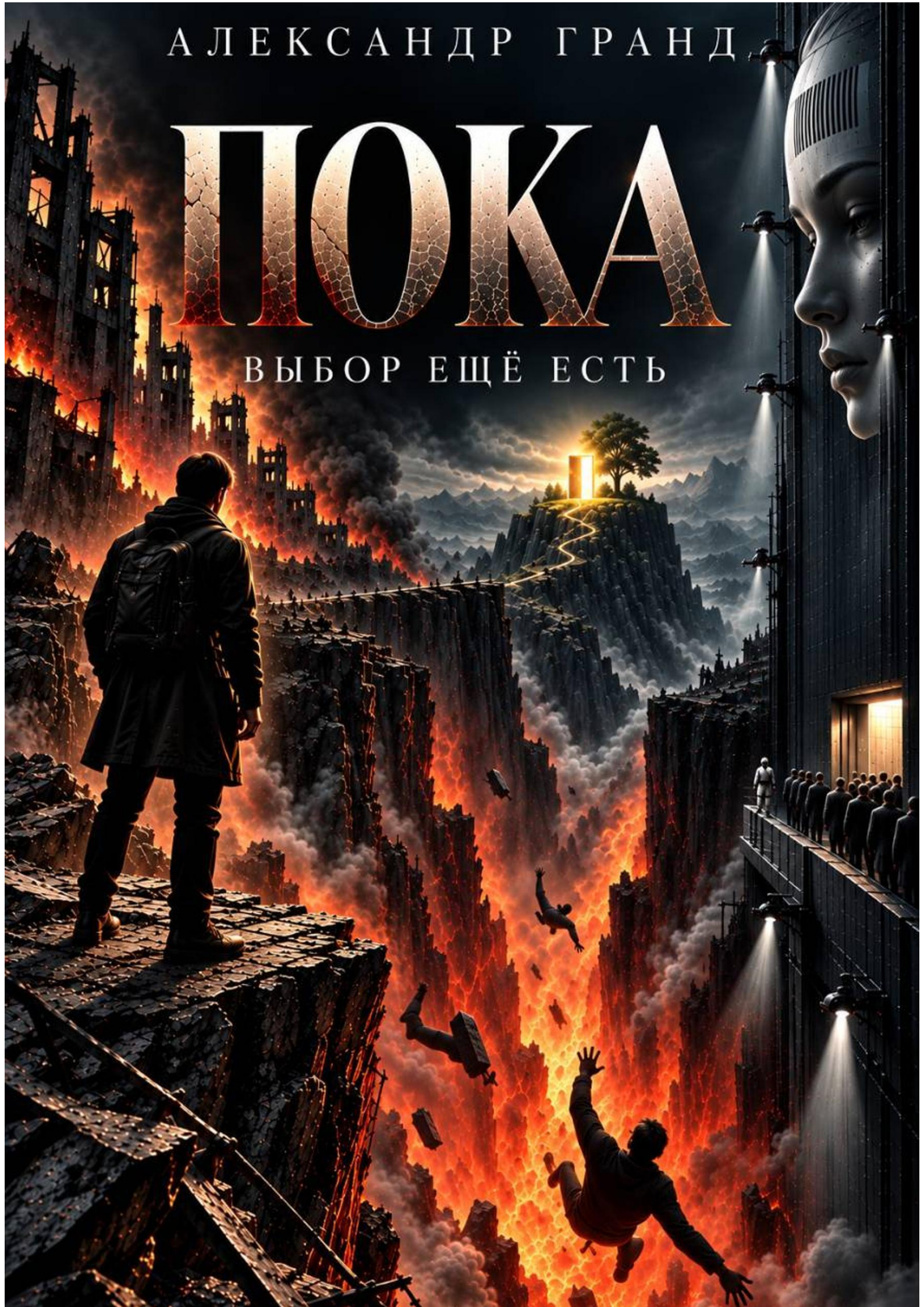

АЛЕКСАНДР ГРАНД

ПОКА

ВЫБОР ЕЩЁ ЕСТЬ

Александр Гранд

ПОКА

«Автор»

2026

Гранд А.

ПОКА / А. Гранд — «Автор», 2026

Война не заканчивается. Она лишь меняет адрес. Сначала — брат на брата. Потом — все против всех. Затем — плановая работа с «избыточными». Без злобы. По нормативам. Ты уже в списке, но узнаешь об этом последним. Макс предупреждал. Его бумаги подшили в папку «Иное». Пока ты молчишь, твоё будущее решают без тебя. Читать недостаточно. Действуй. Пока ещё числишься живым.

© Гранд А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	57

ПОКА

Глава

ОТ АВТОРА

Перед вами роман-предупреждение, выросший из событий, которые уже произошли: новостей, документов, публичных заявлений, кризисов, войн, технологий и решений, ещё недавно казавшихся невозможными. Это не хроника.

Государства, организации, персонажи, диалоги и обстоятельства художественно преобразованы; объяснения чужих решений и мотивов остаются гипотезами героев. После сентября 2026 года начинается вымысел — не прогноз и не тайный план, а один из возможных маршрутов.

Эта книга — о моменте раньше: когда будущее ещё не стало неизбежным, а разумные по отдельности решения способны сложиться в дорогу, по которой никто не собирался идти.

Системе не обязательно желать человеку зла, чтобы однажды перестать считать его целью. Поэтому главный вопрос прост: кто кому должен служить — человек системе или система человеку? Будущее ещё можно не выбрать. Пока ещё.

ПРОЛОГ

Сентябрь 2026 года

Дождь начался после полуночи. Вода стекала по стеклу, фонарь во дворе расплывался жёлтым пятном. Макс сидел на полу. На столе давно не осталось места. Документы лежали на диване, подоконнике, стульях и в пластиковом контейнере, который когда-то покупали для зимней одежды.

Теперь в нём хранился 2014 год. Рядом стояли другие годы. На корешках папок — фамилии, даты, институты, номера обращений, ответы ведомств, статьи, таблицы. Сверху лежала папка:

ПРОЦВЕТАНИЕ.

Рядом — вторая. Без названия. Толще. Алекс стоял у окна с кружкой.

— Ты сегодня вообще собираешься спать?

Макс не ответил. На экране ноутбука была таблица. Дата. Событие. То, что Макс написал до него, во время или позже. Некоторые строки совпадали пугающе. Другие — нет. Несколько он отметил:

ОШИБКА.

Одну:

НЕ СБЫЛОСЬ.

Он никогда её не удалял. Алекс поставил кружку.

— Ты опять всё перечитываешь?

— Проверяю.

— Что?

Макс поднял глаза.

— Себя.

Алекс посмотрел на вторую папку.

— Ты правда считаешь, что всё это возможно? — Алекс кивнул на папку. — Или ты уже тринадцать лет ищешь только то, что подтверждает тебя?

Макс открыл её. На первой странице стояло: «СЦЕНАРИЙ ИНЕРЦИИ». Не пророчество. Не план. Несколько уже существующих линий, продолженных дальше: шаг, ещё один, ещё. Без заговора. Без дня, когда кто-то собрал всех в одной комнате и сказал: «Теперь построим именно это». На одной из старых таблиц красным было подчёркнуто: «производ-

ство восстановлено; людей требуется меньше». Макс когда-то поставил рядом вопросительный знак. Теперь он казался слишком маленьким.

Внизу Макс когда-то написал одно слово: ЦЕЛЬ?

— Макс?

Он закрыл папку.

— Страшно не то, что я придумал.

— А что?

Макс посмотрел на коробки. На годы собственной жизни. На ответы, где слова «рассмотрено», «направлено» и «в компетенцию» годами менялись местами, почти не меняя результата.

— Что почти ничего не пришлось придумывать.

В комнате снова стал слышен дождь. Макс поднялся. Затекала нога. Ему был шестьдесят один год. В 2013-м он был уверен: наверху чего-то не понимают. Нужно объяснить. Телефон завибрировал. Ночь.

— Не бери, — сказал Алекс.

Телефон продолжал звонить. Макс ответил.

— Да.

Несколько секунд молчания.

— Максим Нагорный?

— Да.

— Вы ведь всё это время хотели разговаривать не с приёмной.

Макс выпрямился.

— А с кем?

— С теми, кто принимает решения.

Тринадцать лет он представлял эту фразу иначе. Думал, почувствует победу. Не почувствовал.

— Откуда у вас мой номер?

— Завтра в одиннадцать сможете приехать?

— Куда?

Голос назвал адрес. Макс его знал.

— По какому вопросу?

— По вашему проекту.

— Какому именно?

Ответ пришёл не сразу.

— Обоим.

Связь оборвалась. Макс медленно положил телефон.

— Кто это был? — спросил Алекс.

— Не знаю.

— Очень обнадёживает.

Экран ноутбука вспыхнул в полутёмной комнате. Белая страница. Мигающий курсор. Макс закрыл обе папки и впервые за ночь посмотрел на часы.

ЧАСТЬ I. ОН ПРЕДУПРЕЖДАЛ

Глава 1. ПРИЁМНАЯ

21 октября 2013 года в Етербурге шёл мелкий дождь. Не тот, ради которого сразу раскрывают зонт. Сначала кажется, что до входа можно дойти так. Потом мокнет воротник. Потом плечи.

Макс приехал раньше и теперь сидел в приёмной с папкой в сто тридцать семь страниц. Он уже понимал, что это слишком много. Но каждая убранная страница казалась уступкой. В папке были бедность, неравенство, образование, пропаганда, управление — то, что государство привыкло видеть по отдельности.

На входе его несколько раз спросили, по какому вопросу он пришёл. Макс каждый раз отвечал иначе.

- Предотвращение системных конфликтов.
- Национальная безопасность.
- Причины радикализации.

Наконец его пригласили. Кабинет оказался обычным. Стол. Компьютер. Флаг. Календарь. Сотрудник открыл папку.

- Вы специалист по безопасности?
- Нет.
- По терроризму?
- Нет.
- Политолог?
- Нет.

Он поднял глаза.

- Тогда в каком качестве обращаетесь?
- Как человек, которого не устраивает момент, когда мы начинаем решать проблему.
- Какую?
- Ту, которая годами растёт, а потом вдруг становится чрезвычайной.
- Это очень широко.
- В этом и проблема.

Сотрудник перелистнул несколько страниц.

- Экономика. Образование. Демография. Управление.
- Да.
- И всё это связано с терроризмом?
- Терроризм связан не только с терроризмом.

На лице сотрудника не появилось ни раздражения, ни интереса. Он пытался понять, куда положить документ. И человека.

- У вас есть информация о конкретной угрозе?
- Нет.
- О подготовке преступления?
- Нет.
- Имена?
- Нет.
- Организации?
- Нет.
- Тогда о чём конкретно вы хотите предупредить?

Макс помолчал.

— Если продолжать тушить только уже возникшие конфликты, однажды несколько из них могут соединиться.

- Во что?
- В большую войну.
- Где?
- Не знаю.
- Когда?
- Не знаю.
- Между кем?
- Не знаю.

Сотрудник закрыл папку.

- Понимаете проблему?

— Понимаю.

— Мы работаем с конкретикой.

Макс встал. У двери остановился.

— А кто работает с тем, что станет конкретикой через несколько лет?

Ответа не последовало. В приёмной женщина за стеклом заносила обращение в систему.

— Категория?

— Что там?

— Предложения по предотвращению глобальных конфликтов.

— Международные отношения?

— Там ещё экономика и образование.

Женщина подумала. Нажала клавишу. Макс увидел строку: Иное. Через несколько часов новости сообщили о взрыве автобуса в Ольгограде. Погибли люди. Дома на столе лежала копия обращения, которое утром зарегистрировали под словом «Иное».

Максу не пришлось в голову, что он оказался прав. На первой странице документа было написано: «О необходимости предупреждения системных причин будущих кризисов». Макс взял ручку. Слишком уверенно. Так начался его блокнот.

Глава 2. ДАЛЬШЕ ПРИЁМНОЙ

Первый официальный ответ пришёл через двадцать девять дней. «Ваше обращение рассмотрено». Дальше сообщалось, что вопросы направлены согласно установленной компетенции. Рассмотрено. Потом пришёл второй ответ. За ним — третий. Одно ведомство направляло в другое. Другое благодарило за гражданскую позицию. Третье рекомендовало профильную структуру. Макс завёл таблицу. По компетенции.

Макс решил, что знает причину. Сто тридцать семь страниц никто не станет читать. Сократил до тридцати двух. Потом до двенадцати. Потом до пяти. Оставил проблему, последствия, предложение и результат. Однажды Макс показал очередной ответ знакомому журналисту.

— «Ваше обращение рассмотрено».

Журналист прочитал письмо.

— А чего ты ждал?

— Что скажут, где я ошибаюсь.

— Зачем?

— Чтобы исправить.

— Я не про тебя. Им зачем?

Макс убрал письмо.

— Ты всё сводишь к цинизму.

— Нет. К процедуре.

— Разница?

— Огромная. Циник тебя отвергает. Процедура может принять полностью.

Журналист постучал по папке.

— Представь: ты чиновник. К тебе приходит человек с проектом переустройства мира.

— Я не предлагаю переустроить мир.

— Уже пять страниц?

Макс усмехнулся. За следующий год он ещё несколько раз попадал на личные приёмы. Однажды женщина напротив действительно прочитала текст. Делала пометки. Задавала вопросы.

— Вот это интересно.

Макс подался вперёд.

— Что именно?

— Профилактика радикализации до перехода человека к насилию.

— Что можно сделать дальше?

Она закрыла папку.

— Направим в профильное подразделение.

По дороге домой Макс впервые рассмеялся. Не выгоняли. Иногда читали. Приём не обязательно означает вход. Через несколько дней Макс выходил из очередного здания. За одной дверью была приёмная граждан. Дома он записал: «Приём не обязательно означает вход».

Не зачеркнул. В 2014 году быстрее событий менялись слова. На одном сайте происходила революция. На другом — переворот. Одни и те же люди назывались гражданским обществом и радикалами. Потом появились Рим и Онбасс. Язык стал жёстче.

В такси водитель сказал:

— Там фашисты.

— Все?

— А какая разница?

Через два дня знакомый из Краины сказал по телефону:

— Там террористы.

— Все?

— А какая разница?

Макс запомнил совпадение. Слово иногда заканчивало разговор раньше фактов. Весной он снова оказался в здании СБ. В коридоре встретил знакомого сотрудника.

— Всё пишете?

— Пишу.

— Теперь про Краину?

— В том числе.

Макс помолчал.

— Это уже война?

Мужчина посмотрел на закрытую дверь кабинета.

— А вы как думаете?

— Я спрашиваю вас.

Несколько секунд никто не говорил.

— Война уже началась.

Без пафоса. Почти устало. Макс много месяцев хотел убедиться, что опасность наверху видят. Теперь убедился. И не успокоился.

— Тогда почему ничего не меняется?

— Меняется.

— Почему именно так?

Открылась дверь. Макс задержался у двери. Теперь вопрос был не в том, видят ли наверху опасность. Вопрос был в том, почему, видя её, продолжают идти тем же курсом. Вечером Макс нашёл в старой папке: «Необходимо довести до сведения высшего руководства». Зачеркнул. Возможно, наверху знали гораздо больше, чем он представлял. Если проблема известна, а движение продолжается, нужно искать не только недостаток знания.

После строки осталось пустое место. Слова для него пока не было.

Глава 3. ЧТО БУДЕТ УТРОМ?

С Емцовым Макс встретился в 2015 году. Комната была слишком маленькой для человека, которого привыкли видеть на митингах. Емцов говорил быстро. О коррупции. Выборах. Войне. Макс несколько раз пытался вставить вопрос. Наконец перебил:

— Допустим, вечером вы победили.

Емцов усмехнулся.

— Хорошее начало.

— Что обычный человек получит утром?

- В каком смысле?
- Власть сменилась. Что изменилось?
- Возможность эту власть выбирать.
- Важно. Что ещё?
- Независимый суд.
- Утром?

Емцов перестал улыбаться.

- Вы хотите расписание реформ?

— Я хочу понять результат. Если одну группу сменит другая, а стимулы внутри системы останутся прежними, почему новая группа должна вести себя иначе?

- Потому что её можно будет сменить.

Макс кивнул.

- Вот это ответ.

Емцов посмотрел внимательнее.

- Вы, кажется, не оппозиционер.
- Я перестал понимать, кто я в этих категориях.
- Иногда полезно.

Макс оставил две строки: Сменить власть — не то же самое, что изменить систему. Но если власть невозможно сменить, система перестаёт проверять себя. Обе остались. В том же году Оссия начала военную операцию в Ирии. Макс видел в ней возможную попытку вернуть место за большим международным столом. Слово «возможную» оставил специально. Дети. Семьи у стойки регистрации.

Они не собирались участвовать в мировой архитектуре. Просто летели домой. Макс закрыл аналитическую папку. Они просто летели домой. Больше ничего. Телефон лежал экраном вниз. Макс всё-таки перевернул его. Три непрочитанных сообщения от дочери, Catherine. Последнее — без приветствия: «Ты опять спасаешь страну вместо того, чтобы ответить дочери?»

Вечером Catherine всё-таки позвонила.

- Я не прошу выбрать нас вместо страны.

- Я знаю.

— Нет. Ты каждый раз говоришь, что знаешь. А потом исчезаешь туда, где тебя никто не просил быть отцом.

Макс хотел возразить и не нашёл фразы, которая не звучала бы как доклад.

— Мне надо немного пожить без твоего проекта, — сказала она. — И без роли человека, ради которого ты его строишь.

После звонка он ещё долго сидел перед открытым документом. Курсор мигал после слов «Человек — цель». Макс не смог дописать предложение. Он набрал: «Прости. Завтра». Стер. Написал: «Сейчас не могу». Стер и это. В комнате было тихо, только за стеной кто-то включил воду.

Макс вдруг поймал себя на простой мысли: если его система когда-нибудь научится считать благополучие людей, она наверняка поставит ему плохую оценку за сегодняшний день. Он закрыл документы и впервые за ночь позвонил не чиновнику.

Телефон снова завибрировал. На этот раз Макс не посмотрел. Через минуту пришло второе сообщение от Catherine: «Не надо отвечать сейчас. Я уже поняла». Он всё-таки открыл чат. Под последним сообщением висела фотография: пустое кресло напротив неё в кафе. Макс набрал: «Прости». Стер.

Написал: «Я приеду». И впервые за вечер закрыл папку ПРОЦВЕТЕНИЕ раньше, чем закончил мысль.

Глава 4. СОВЕТНИК РЕЗИДЕНТА

Перед кабинетом Макс десять минут сидел рядом с пожилой женщиной с прозрачной папкой.

— Тоже проект? — спросила она.

— В каком-то смысле.

— А у меня лифт. Третий месяц не работает.

Когда секретарь назвал фамилию Макса, женщина подняла папку: — Если у вас там процветание, начните с моего восьмого этажа. Макс улыбнулся. Через минуту в кабинете эта фраза уже не казалась смешной. В 2016 году Максу сказали:

— Ваши материалы посмотрит Лазьев.

Он знал фамилию. Советник Резидента, Академик Лазьев говорил о мировой экономике так, будто видел не новости, а приборы огромной машины. Макс готовился неделю. Из двадцати двух страниц оставил восемь. Лазьев открыл первую.

— Что вы хотите получить?

— Поддержку проекта.

— Я спросил о результате.

Макс не ответил.

— Процветание.

— Это слово.

— Улучшение жизни человека.

— Как измерите?

Макс начал отвечать. Лазьев остановил:

— Если человек богат, здоров и несчастен?

— Добавить субъективную оценку.

— Если счастлив, разрушая себя?

Лазьев закрыл папку.

— Вы называете человека целью. Сначала определите, что хотите улучшать. И кто имеет право это определять.

Он перевернул страницу.

— Вы пишете, что Втупину нужно историческое величие.

— Я думаю...

— В документе без «думаю».

Действительно.

— Это гипотеза.

— Тогда почему выглядит как факт?

— Исправлю.

— Не формулировку. Способ мышления.

Лазьев спросил:

— Что для Втупина может означать величие?

— Сила.

— Какая?

— Военная.

— Ещё?

— Международное влияние.

— Ещё.

Макс подумал.

— Место в истории.

— Вот. Уже несколько возможных целей. Иногда совпадающих. Иногда нет.

— Но моя гипотеза остаётся.

— Разумеется.

— Вы считаете её неправильной?

— Недоказанной.

В конце встречи Макс спросил:

— Вы поддерживаете ПРОЦВЕТАНИЕ?

Лазьев посмотрел на папку.

— Пока вижу хорошее намерение.

— А что хотите увидеть?

— Конструкцию, которая переживёт человека, предложившего её.

На первой странице он подчеркнул слово «очевидно». Рядом написал: Кому? Дома Алекс спросил:

— Ну что?

Макс положил папку на стол.

— Первый человек, который действительно прочитал.

— Это хорошо?

— Пока больно.

Лазьев не стал покровителем. Не обещал денег. Не открывал двери словами «это мой человек». Он присылал статьи, адреса конференций, иногда короткое: «Приезжайте. Вам будет полезно». На первой большой конференции Макс увидел людей, чьи фамилии знал по книгам. Некоторые выступления понимал наполовину.

Лазьев знакомил его с учёными:

— Макс работает над новой системой координат для модели развития.

Макс хотел сказать «над ПРОЦВЕТАНИЕМ». Не стал. «Система координат» звучала менее красиво. И точнее. После конференции Лазьев дал ему книгу о мировых войнах и смене экономических укладов. Войны там переставали быть только волей политиков. За ними стояли ресурсы, технологии, рынки, смена центров силы. Макс позвонил.

— Получается, большая война иногда становится частью перехода между мировыми системами?

— Иногда.

— Тогда Оссия пытается не проиграть такой переход.

— Возможно.

— И если порядок всё равно формируется через борьбу, нужно оказаться среди победителей.

— Сейчас вы пересказываете книгу.

— Но логика есть?

— Правильно.

— Тогда что не так?

— Сначала поймите модель. Потом решайте, нравится ли она вам.

По дороге домой раздражение наконец обрело форму. Если мир заранее считать соревнованием держав, вопрос автоматически звучит: как победить? В метро напротив сидела женщина со спящим ребёнком. Блокнот лёг перед ним раскрытым.

Почему процветание должно требовать чьего-то поражения? Вечером достал новую папку.

ПРОЦВЕТАНИЕ.

Определение ещё предстояло заработать. На заседании Алтинского клуба Макс сказал:

— Деньги стали главной системой управления человеческим поведением.

Женщина в третьем ряду подняла руку.

— Деньги?

— Да.

— Или капитал?

— Здесь принципиальная разница?

— Если вы собрались перестраивать цивилизацию — есть.

Её звали Тамара Михайловна Людина. После заседания спросила:

— Маркса читали?

— Частично.

— То есть нет.

Через неделю Макс пришёл с новым выводом.

— Тогда нужно постепенно избавиться от денег.

— Зачем?

— Чтобы они перестали определять доступ человека к жизни.

— Редкие ресурсы как распределять?

— По потребности.

— Кто определяет потребность?

— Государство.

Тамара улыбнулась.

— Прекрасно. Вы отменили деньги и передали чиновнику право решать, кому что положено.

— Тогда алгоритм.

— Критерии алгоритму кто даст?

Ответ пришёл не сразу. Тамара сняла очки.

— Вы всё время пытаетесь уничтожить инструмент, который вам не нравится.

Она написала:

— Сначала поймите функцию. Создайте замену. Проверьте. Потом отказывайтесь.

— Значит, часть функций денег можно сделать ненужной?

— Возможно.

— Это и есть цель.

— Нет. Отмена денег не отменяет власть.

Эту фразу Макс оставил. В Алтинском клубе у ПРОЦВЕТАНИЯ появилась среда. Люди, которые не позволяли ему путать исходную идею с готовой наукой. Однажды Тамара сказала:

— Ваше дело не писать за экономистов. Ваше дело — не дать им забыть, зачем они считают.

На рабочей странице она написала:

ГИПОТЕЗА → МОДЕЛЬ → ПИЛОТ → ИЗМЕРЕНИЕ → КОРРЕКЦИЯ.

Макс потянулся дописать «масштабирование».

— Рано. Вы ещё ничего не доказали.

Вечером он записал: «Если чрезвычайное правило живёт достаточно долго, люди перестают спрашивать, когда его отменят». И ниже: Впервые опасной показалась собственная система.

ЧАСТЬ II. БОЛЬШАЯ ФОТОГРАФИЯ

Глава 5. КТО КОМУ СЛУЖИТ

На столе у входа закончилась вода. Сотрудница принесла новую бутылку и не смогла поднять её на кулер. Трое экспертов продолжали спорить о человеческом капитале. Макс встал, помог ей и вернулся на место.

— Спасибо, — тихо сказала она.

Никто из выступающих не заметил паузы. Первый выступающий сказал:

— Расчёт окупаемости нереалистичен.

Говорили о рисках и сроках. После короткого перерыва в первом ряду появился человек, которого Макс видел у организаторов до начала заседания. Тот же эксперт сказал:

— При должном сопровождении часть рисков можно считать управляемыми.

После заседания Макс догнал его.

- Что изменилось?
- В каком смысле?
- Сначала расчёты были нереалистичны.
- Так и есть.
- Теперь проект можно реализовать.
- При определённых условиях.

Эксперт поправил папку под мышкой и уже шагнул к выходу. Макс хотел остановить его ещё одним вопросом, но увидел, как тот посмотрел в сторону человека из первого ряда. Взгляд длился меньше секунды. Этого хватило. Вечером Макс пересказал разговор Лазьеву.

- Вот теперь вы подошли ближе.
- К чему?
- К системе, где никто не обязан лгать.
- Достаточно выбирать, какую часть правды произнести?
- Иногда.
- Лизоблюдство.

— Не спешите раздавать диагнозы, — сказал Лазьев. — Один боится. Другой верит. Третий остаётся внутри, потому что думает, что ещё может что-то исправить.

Макс ничего не записал. Макс всё ещё считал главной болезнью системы медлительность.

Лазьев спросил:

- За сколько лет хотите изменить образование?
- За три-пять.
- Учителей?
- Переобучить.
- Родителей?
- Адаптируются.
- Детей?
- Им проще.

Лазьев посмотрел на него.

- Вы очень любите слово «адаптируются».

Через несколько дней Макс летел в самолёте. Земля двигалась за иллюминатором с огромной скоростью, а в салоне почти ничего не ощущалось. Этот образ вернулся к нему позже, когда команда разбирала один муниципальный пилот. Вместо длинного бумажного маршрута ввели цифровую заявку. Средний срок сократился почти вдвое. Потом позвонила пожилая женщина.

- Вы там всё упростили?
- Старались.
- Я теперь заявление подать не могу.
- Почему?
- Приложения нет.
- Можно через сайт.
- Я не умею.

После сокращения бумажной процедуры ближайшее очное окно оказалось гораздо дальше. Для части людей — почти недоступной. На разборе Огнев спросил:

- Что измеряли?
- Средний срок.
- Улучшился?
- Да.
- Значит, проект успешный?

— Нет. Одной группе стало хуже.

Огнев кивнул.

— Теперь это настоящий пилот.

— Потому что нашли ошибку?

— Потому что пилот, в котором невозможно найти ошибку, называется демонстрацией.

Очное окно вернули. Рядом с фразой о скорости Макс написал: Быстро можно менять то, что умеешь остановить и исправить.

Глава 6. ДВЕ ПОЛОВИНЫ ПРОЕКТА

Лазьев раскрыл папку «ЧЕЛОВЕК». Внутри лежали графики доходов, продолжительности жизни и занятости.

— А где здесь мой сосед? — спросил Макс.

— Какой сосед?

— Который вчера три часа искал врача для матери.

Лазьев постучал карандашом по таблице. — Вот поэтому папка и тонкая. Мы умеем считать то, что легко считать. На столе лежало семь папок. Самой тонкой была:

ЧЕЛОВЕК.

Макс засмеялся.

— Что? — спросил Лазьев.

— Строим всё вокруг человека и меньше всего написали о нём.

Лазьев посмотрел на папки.

— Иногда устройство цивилизации лучше всего объясняет толщина папок.

За столом спорили экономисты и специалисты по управлению. Макс слушал. Потом перебил:

— Для кого результат?

Разговор остановился. Он всё яснее понимал свою роль. Не дать конструкции незаметно вернуться к старой цели. К превосходству. К господству.

— Если человек — цель, государствам нужно перестать строить успех на поражении друг друга.

Лазьев покачал головой.

— Конфликт интересов никуда не исчезнет.

— Я не говорю, что исчезнет.

— Пока получается именно это.

— Тогда как?

Лазьев взял лист.

— Не нужно делать каждое решение выгодным всем. Нужно создавать больше ситуаций, где сотрудничество выгоднее конфликта.

У проекта проявились два контура. Внутренний — Оссия как пространство пилотов. Макс сказал:

— Великое государство — государство, без которого не могут.

— Вы снова описали зависимость.

Макс подумал.

— Тогда государство, с которым другим становится возможно больше.

Лазьев улыбнулся.

— Интереснее.

— Значит, правильно?

— Красиво.

— Что не так?

— Сделайте так, чтобы государству было выгодно быть таким.

Влада Клоунова было удобно не понимать. Однажды сказал Огневу:

— Что он вообще понимает в государственном управлении? Клоун.

— Это профессия или анализ?

— Характеристика.

— Чего?

Макс помолчал.

— Вы прекрасно понимаете.

— Тогда объяснить должно быть легко.

На выборах Клоунов получил больше семидесяти процентов. Слово «клоун» могло что-то говорить о кандидате. Но уже ничего не объясняло о миллионах проголосовавших. На переговорах в Ариже Клоунов выглядел новичком. Макс ожидал, что разница опыта всё решит. Не решила.

Лазьев сказал:

— Вы приняли отсутствие опыта государственного управления за отсутствие политического инстинкта.

— Вы считаете его сильным?

— Я этого не сказал.

— Тогда что?

— Исправляю плохую модель.

— Какую?

— В которой профессия человека автоматически определяет предел его способностей.

— Тогда что вообще можно утверждать?

— То, для чего хватает данных.

— Скучно.

— Зато реже приходится переписывать выводы.

Позже Огнев спросил:

— Какая ошибка в анализе противника опаснее всего?

— Недооценить.

— Ещё?

Макс подумал.

— Решить, что уже понял.

В старом блокноте осталось слово:

КЛОУН.

Макс не стал его стирать. Ошибка тоже была фактом.

Глава 7. ПУСТОЙ ГОРОД

У закрытого кафе хозяин снимал с двери табличку с режимом работы.

— Надолго? — спросил Макс.

— Мне бы знать.

— Доставка?

— Курьер есть. Повара нет. Он уехал к родителям.

Хозяин посмотрел на пустую улицу. — Смешно. Всю жизнь боялся конкурентов. А победила тишина. Сначала исчезли люди. У входов появились объявления. Макс вышел на Евский. Архитектура без людей выглядела почти безупречно. Он позвонил Лазьеву.

— Они могут менять правила за неделю.

— Иногда.

— Границы закрыты. Передвижение ограничено. Значит, «система не может быстро меняться» — неправда.

— Да.

— Тогда почему годами говорят, что изменения невозможны?

— Потому что «может» и «готова» — разные слова.

В старой записи стояло:

РАДИ ЧЕГО?

Макс нашёл запись.

НЕ СБЫЛОСЬ.

Страницу не вырвал. Блокнот не должен был становиться коллекцией удачных предчувствий. Потом заболел сам. При тридцати девяти научная строгость быстро сжимается до: а вдруг поможет? Когда стало лучше, Огнев спросил:

— Что помогло?

Макс начал перечислять.

— Откуда знаете?

— После лечения стало легче.

— После?

Макс понял.

— Не обязательно из-за.

Огнев кивнул. Вокруг пандемии двигались огромные деньги. Лазьев остановил:

— Выгодополучатель не равен организатору.

К концу года улицы снова наполнялись. А госпитали, которые раньше потребовали бы долгих согласований, строились за недели.

— Почему на последствия ресурсы находятся быстрее, чем на предотвращение? — спросил Макс.

— Потому что сегодняшняя катастрофа предъявляет счёт сейчас. Будущее сначала должно доказать, что имеет право на оплату.

Люди переходили улицу. Те, кого спасла профилактика, никогда не узнают, что их спасли. До пандемии дополнительную больничную койку нужно было обосновать. Весной 2020 года вопрос изменился. Нужна ли? Сколько ещё можно развернуть?

То, что вчера месяцами проходило согласования, получило одно слово:

СРОЧНО.

— Кажется, понял, почему катастрофа так хорошо находит деньги, — сказал Макс Лазьеву.

— Почему?

— Исчезает вопрос, нужно ли тратить.

— Не исчезает.

— Его становится опаснее задавать.

— Точнее.

— Значит, катастрофа ломает сопротивление системы?

— Меняет цену бездействия.

Если больные лежат в коридоре, последствия бездействия видны сегодня. Цена плохого решения может стать понятна завтра. Макс позвонил Виктору. У того была небольшая типография.

— Клиентам нельзя работать. Значит, у меня нет выручки. А зарплату платить нужно.

— Помощь оформлял?

— В список не попали.

— Льготный кредит?

Виктор засмеялся.

— Я должен занять деньги, чтобы выполнить решение, которое принимал не я?

Он не отрицал болезнь. Не спорил с медициной. Он не понимал бухгалтерию собственного спасения. Чтобы получить поддержку, живой человек должен был совпасть с описанием того, кому она положена. Для отчёта помощь измерялась миллиардами. Еларусь казалась удобной контрольной группой.

ДАННЫХ НЕДОСТАТОЧНО.

— Скучно? — спросил Огнев.

— Ужасно.

— Хороший признак.

Вечером Макс написал на новой папке:

ЧЕГО?

ОБЩЕЙ ЦЕЛИ — НЕТ.

Глава 8. ПЕРЕГОВОРЫ БЕЗ СТРАТЕГИИ

На кухне у Макса закипел чайник. Он не выключал запись переговоров, пока наливал воду. На экране спорили о формулировке одного пункта. Внизу пришло сообщение от знакомого из Краины: «Мама спрашивает, открывать ли завтра магазин».

Макс посмотрел на часы. Переговоры шли шестой час. Он ответил: «Не знаю». Это было честнее любого коммюнике. Чем глубже Макс погружался в краинское направление, тем меньше понимал, куда оно ведёт. Переговоры шли. В документах подробно отвечали на вопрос: что сделать сейчас?

Статус. Граница. Сроки. Макс листал страницы и искал одну вещь: что будет на следующий день после выполнения последнего пункта. Не нашёл. На полях написал два слова: «остановить» и «не повторить». Между ними оставалось пустое место.

Огнев прочитал записи, задержался на пустом месте между двумя словами и постучал по нему ногтем.

— Чего хочет Оссия?

Макс назвал несколько возможных целей. Огнев ждал.

— А теперь уберите любимый ответ, — сказал Огнев. — Он мешает.

Макс построил модели. Самой неприятной была версия, где целей несколько одновременно. Тогда соглашение, удовлетворяющее одну, могло ухудшать другую. Стремясь силой повысить собственную безопасность, Оссия могла усиливать желание соседей защищаться от неё.

Макс написал одну строку, перечитал и зачеркнул. Смысл был слишком важен, чтобы превращать его в лозунг. Можно очень профессионально решать не ту проблему. Его всё больше интересовал способ действия Втупина. Скрыть намерение. Выбрать момент. Сделать первый ход. Опасность начиналась, когда удачный приём становился универсальным. Но у доски была другая сторона.

Тоже готовили ответы. Переговоры тем временем производили собственный результат: стороны всё лучше учились обсуждать то, что разделяло их, и всё реже — то, что должно было наступить после соглашения. На этом фоне состоялся отдельный созвон о ПРОЦВЕТАНИИ.

Но содержание разговора могло так и не начаться. Весной возле Краины появились крупные скопления войск. Осенью эшелоны пошли снова. Оссияне тем временем покупали билеты, выбирали мебель, строили обычные планы.

— Да кому нужна большая война? — сказал знакомый Макса.

Аргумент был человеческим: такого не произойдёт, потому что это слишком безумно. Эшелоны шли к границе. Переговоры продолжались. Одно не мешало другому.

Глава 9. ПОСЛЕДНЕЕ ОКНО

В супермаркете перед ним мужчина складывал в тележку воду, батарейки и корм для кота. Жена по телефону сказала ему что-то резкое.

— Да не будет никакой войны, — ответил он. И положил в тележку ещё две упаковки воды.

Макс поймал себя на том, что сделал то же самое. К концу 2021 года вопрос был уже не в том, стягивает ли Оссия войска. Стягивает. Вопрос был: зачем? Одновременно Оссия потребовала изменить правила вропейской безопасности.

Макс читал документы и не мог понять: это ультиматум или давление ради переговоров? Особенно успокаивало слово «ограниченная». Война становилась операцией. Но Краина сопротивлялась. Кто управляет Краиной на следующий день? Что делать с людьми, которые новый порядок не признают?

Что происходит, если она не проигрывает быстро? Красные линии нарушены. Войны не избежать. Когда решение становится неизбежным в языке, альтернатива начинает выглядеть отрицанием реальности. Макс не знал, какие доклады лежали на столе Втупина.

Но мог представить модель, в которой война выглядела рационально. Краина слаба. Руководство неустойчиво. Запад ограничится санкциями. Всё закончится быстро. Если принять предпосылки, решение переставало выглядеть безумием. «Катастрофа».

На обложке обычно написано: План. Существовала другая модель. Генерал Вашов публично предупреждал о тяжёлых последствиях большой войны для самой Оссии. Нормальная система должна проверять прежде всего прогноз, который ей меньше нравится.

Но у вертикали была своя физика. После одних докладов человека приглашают снова. После других считают паникёром. Макс записал: Самая удобная разведка — та, которая сообщает, что ты прав. В начале 2022 года окно ещё оставалось открытым. Выбор становился всё уже. К границе продолжали идти эшелоны.

Глава 10. НОВАЯ АЛТА

Карта на экране была аккуратной: границы, зоны, стрелки. В этот момент Catherine прислала фотографию из кафе — чашка, книга, чья-то рука в кадре. Макс написал: «Пытаюсь понять правила». Ответ пришёл сразу: «Начни с правила иногда отвечать дочери».

Он рассмеялся и впервые за вечер закрыл карту. В декабре Оссия официально потребовала новых правил безопасности. Требования были шире Краины. Раньше он написал бы в блокноте: «Добиться соглашения». Теперь вопрос звучал иначе: чего именно Оссия хочет добиться за этим столом?

Место за столом у Оссии уже было. Спор шёл о другом: кто определяет правила за этим столом? Лазьев прочитал записи.

— Новая Алта?

— Возможно.

— Оставьте именно так.

— Почему?

— Хорошая модель должна выдерживать попытку её опровергнуть.

Макс выписал альтернативы. У Втупина могли быть свои цели. Они могли совпадать с интересами Оссии. ПРОЦВЕТЕНИЕ тоже вело к большому столу. Но другим путём. Не требовать признания. Не заставлять бояться. Из ведомства пришёл ответ:

Ответ ведомства не содержал ни одного ключевого понятия проекта. Саму идею не приняли. Тем временем слово «безопасность» означало для сторон противоположное. Клоунова в Оссии всё чаще описывали не как сторону, с которой нужно договариваться, а как проблему, которую нужно решить.

Макс снова посмотрел на запись в блокноте: «Взаимная выгода». Перед войной она казалась ему слишком общей. Теперь — единственным вопросом, который стороны почти не обсуждали. За окном был февраль.

ЧАСТЬ III. ЦЕНА ОШИБКИ

Глава 11. 24 ФЕВРАЛЯ

Макс проснулся от телефона. Сел на кровати. Боялся. Но между «война возможна» и «война началась» существовало расстояние. Ночью оно исчезло.

— Ой, дурак, — вырвалось у Макса.

Потом тише:

— Куда же ты влип...

Он не понял победу. Понял другое. А если надолго — изменится всё. В старом файле со сценариями рядом с большой войной стояло:

ДАННЫХ НЕДОСТАТОЧНО.

Он не стал исправлять запись. Теперь можно было сказать: выбора не было. Но до события выбор существовал — Макс только не знал, в какой момент он исчез. Он вспомнил заседание Совета безопасности.

Марышкин стоял перед Втупиным и словно одновременно пытался понять вопрос и угадать ожидаемый ответ. Марышкин запнулся перед ответом. Он смотрел на Втупина, будто ответ уже существовал и его требовалось угадать. Макс выключил запись.

Города жили обычным утром: люди стояли в пробках, везли детей в школы, опаздывали на работу. Втупин выбрал кризис. Но после начала кризис перестаёт быть инструментом. Быстрый план требовал, чтобы слишком многие сыграли назначенные им роли.

Макс вспомнил старый вопрос: что будет после войны? Мир после неё — не пауза, а система отношений, которую ещё предстояло построить. Внизу экрана шли курс валют и погода. На экране появился файл. Не написал:

Я БЫЛ ПРАВ.

Один из сценариев реализовался. Теперь важен был не прогноз, а цена ошибки — и вопрос, можно ли ещё изменить курс. За окном начиналось утро 24 февраля. Цена решения только начинала проявляться. На третий день знаний у Макса оказалось меньше, чем в первый, хотя информации становилось больше.

Он создал файл: Не срок. Ожидание. Макс специально искал публичное обещание взять Иев или Краину за три дня. Не нашёл. Втупин такого срока не называл. Позже «три дня» станут почти цитатой. Но удобная память не должна была превращаться в факт. Ожидание быстрого результата существовало. В тоне.

В отношении к противнику. Если убрать чужую волю из расчёта, большая война становится простой. Макс снова открыл речь Втупина. Короткие слова. Кто определяет достаточность? На экране появился Клоунов. Макс открыл старый блокнот. Модель. Если ошибочны несколько предпосылок сразу, проблема может быть не в отдельной ошибке разведки.

Ошибочной может быть картина мира. Если наверх легче проходят удобные факты, со временем они становятся реальностью системы. Противник слабее. Победа ближе. Для этого не нужна тотальная ложь. Достаточно отбора. Потом отобранная реальность встречается с настоящей. На государственном информационном ресурсе появился победный текст.

Потом исчез. Макс не знал почему. Сам факт его существования не доказывал секретного срока. Но показывал ожидание. Кто-то считал один сценарий достаточно вероятным, чтобы будущее уже можно было описать прошедшим временем. На карте стрелки двигались быстро. Краинское государство существовало. Слишком просто.

Достаточно поверить, что способность сделать первый ход означает способность контролировать партию. Но после первого хода появляются чужие. Файл назывался правильно. Это были не три дня обещанной победы. Это были три дня, за которые модель встретила с миром.

И мир ответил: нет.

Глава 12. ЧТО БУДЕТ ПОСЛЕ?

В гостиничном холле телевизор показывал переговоры без звука. У стойки мальчик лет десяти спросил мать: — Если они договорятся, мы завтра домой? Мать поправила ему капюшон. — Не завтра.

— А когда?

Она посмотрела на экран. — Вот это они и должны решить. На четвёртый день начались переговоры. Войска двигались. Люди уезжали. Представители Оссии и Краины одновременно садились за стол. Макс открыл вопрос из 2015 года: Что происходит на следующий день?

Кто признаёт новую власть? Можно заменить руководство быстрее, чем согласие. Другой вариант. Военное слово: удерживать. Без согласия управление всё чаще становится контролем. Контроль требует принуждения. Принуждение нужно оплачивать каждый день.

Можно подписать соглашение. Но если оно существует только потому, что рядом стоит армия, стало ли оно миром? Подпись — событие. Результат начинается после неё. Макс искал точку достаточности. Какая цель даёт право остановиться?

Цель без измеримого конца можно объявлять достигнутой или недостигнутой сколько угодно. Закрытых военных планов Макс не видел. Не мог утверждать, что худшие сценарии не рассматривались. Он видел результат: система оказалась плохо готова жить внутри затяжного варианта. Вокруг войны уже возникала экономика. Зачеркнул последнее слово.

Кто признаёт результат? Сколько лет он способен существовать без нового насилия? На новой странице Макс оставил место для ответа пустым. Планы могли существовать. Но жизненность любого плана проверяется следующим утром. Если результат нужно постоянно удерживать оружием, он ещё не стал порядком.

История начинается после стрелки на карте. Вечером, уже после всех расчётов, Макс позвонил Val.

Старшей дочери было тридцать четыре. Он всё ещё иногда видел в ней девочку, которая засыпала на заднем сиденье машины по дороге через ночной Етербург. Но на экране была взрослая женщина со своей жизнью, своими решениями и привычкой не просить у отца разрешения.

— Ты замуж вообще собираешься? — спросил Макс.

Val посмотрела на него поверх чашки.

— За кого, пап?

Он усмехнулся по инерции. Потом перестал. А ведь действительно — за кого? Через секунду пришёл вопрос хуже. Зачем? Не потому, что семья потеряла смысл. Наоборот. Именно поэтому вопрос оказался неприятным. Семья всегда была обещанием будущего. А будущее вдруг стало тем, что взрослые обсуждали осторожнее погоды.

— Ты хочешь детей? — спросил он.

Val помолчала.

— Я хочу понимать, куда их приводить.

После разговора Макс долго не закрывал телефон. На экране осталось её лицо. До этого война была для него ошибкой курса, системой решений, набором последствий. Теперь в ней впервые появилось ещё одно измерение: человек, которого пока нет. Его возможный внук.

И мир, который уже готовили для него без его согласия. Michael ответил из Осквы уже после полуночи. На фоне гудело метро. Имена детям когда-то выбирал Макс. Ему хотелось, чтобы они одинаково естественно звучали в Етербурге, Рыму, Лондоне — где угодно, куда их однажды вынесет жизнь.

Так появились Val, Catherine и Michael. Сначала это была его идея. Потом дети выросли, привыкли к этим формам и уже сами попросили не переводить их обратно. Однажды Макс предложил Catherine привычный русский вариант. Она посмотрела на него и сказала: — Пап, имя — не локализация приложения.

Он рассмеялся. Больше не предлагал.

— Пап, у меня всё нормально. Правда. Не надо каждый разговор превращать в исторический момент.

— Я не превращаю.

— Превращаешь. Я спросил, стоит ли менять работу. Ты ответил про устройство государства.

Макс усмехнулся, но Michael не смеялся.

— Мне двадцать с лишним. Я хочу знать, что будет через год. Не с Оссией. Со мной.

После звонка Макс долго смотрел на карту. На ней были границы, фронты, маршруты. Ни одного значка, обозначающего чужой следующий год.

Глава 13. ПОВЕСТКА

У подъезда курьер протянул Максу пакет и попросил подержать телефон. На экране была открыта повестка.

— Жене пока не сказал, — произнёс он будто между делом.

Макс вернул телефон.

— Почему?

Курьер пожал плечами. — Хочу ещё один обычный вечер. Утром 21 сентября Втупин произнёс слово, которого несколько месяцев избегали. Мобилизация.

21 СЕНТЯБРЯ. МОБИЛИЗАЦИЯ.

Через полгода позвали. И всё же следующему обещанию снова хотелось верить. Мать хотела верить, что не заберут сына. Жена — мужа. Мужчина — что повестка придёт в другую дверь. Человек верит не только тому, кого считает честным. Иногда — тому, кому ему необходимо верить. В феврале война была на карте.

Теперь она звонила в дверь. Государству требовалось описание происходящего, в котором следующий шаг выглядел продолжением предыдущего. Когда цена ошибки растёт, растёт и цена права назвать её ошибкой. Зачем погибли? Почему понадобились новые люди?

Почему нельзя было остановиться раньше?

Ошибка, за которую уже заплачено слишком много, начинает защищать себя сама. Не только в государстве. Мобилизацию называли частичной. Слово должно было ограничить страх, но на вокзалах оно уже ничего не ограничивало. Новое объяснение постепенно вытесняло старое.

Если не хранить вчерашнюю формулировку, сегодняшний день всегда можно представить единственно возможным. На вокзалах прощались. Макс приехал на вокзал к Артёму и уже у входа увидел сообщение от Michael. «Мне пришло уведомление. Требуют явиться для уточнения данных».

Пальцы сразу стали холодными. Макс перечитал строку трижды, будто между словами мог обнаружиться другой смысл. Он набрал сына.

— Ты где?

— На работе.

— Никуда не ходи. Я сейчас узнаю, кому звонить.

На том конце несколько секунд молчали.

— Пап, не надо.

— Что не надо?

— Спасать меня через знакомых, а потом объяснять, как должна работать справедливая система.

Макс сжал телефон так, что заболели пальцы.

— Это другое.

— Для тебя всегда другое, когда касается нас.

Связь оборвалась не из-за сети. У турникетов женщина поправляла сыну воротник. Делала это медленно, хотя поезд уже объявили. Макс отвернулся. Люди доставали документы, годами лежавшие рядом с дипломами и старыми фотографиями. Бумага, о которой человек почти забыл, получила власть над его будущим.

Позже, уже дома, Макс открыл на компьютере мартовскую запись. Ночью один из братьев позвонил ему.

— Я не хочу, чтобы ты потом сделал из нас пример.

Макс долго молчал.

— Хорошо.

— Нет, ты не понял. Если со мной что-то случится — не объясняй, что это значит.

Связь оборвалась. Наутро Макс удалил из заметок целый абзац. Впервые ему показалось, что чужая боль имеет право остаться без вывода.

Глава 14. ДВА БРАТА

У знакомого Макса, Артёма, был младший брат Илья. Илья жил в Краине. Разные города. Одна детская комната в прошлом. Они созванивались по воскресеньям, спорили о футболе, обсуждали мамины лекарства. Иногда месяц не разговаривали.

Потом один писал:

— Ты живой?

И всё начиналось сначала. После февраля вопрос перестал быть шуткой. Илья писал:

— Сирена.

— Сидим в коридоре.

— Пока нормально.

Артём отвечал:

— Береги детей.

— Выезжай, если можешь.

— Что нужно?

Потом пришло:

— Вы вообще понимаете, что здесь происходит?

Артём написал:

— А ты понимаешь, что у нас говорят?

Ответ:

— Мне всё равно, что у вас говорят. Я это вижу.

Артём долго смотрел на экран.

— Я не хочу с тобой ругаться.

— А я хочу, чтобы ты понял.

Два дня они молчали. На третий Артём написал:

— Маме звонил?

— Звонил.

Снова появились врач и лекарства. Однажды Илья прислал фотографию разбитого окна. Детский стул.

— Это у вас?

— У соседей.

— Все живы?

— Да.

Через минуту:

— Пока.

Артём набрал: «Я рядом». Удалил. Позже они сидели с Максом на кухне.

— Мы раньше могли орать друг на друга из-за ерунды. Теперь каждую фразу проверяю.

— Чтобы не поссориться?

Артём посмотрел на него.

— Чтобы не потерять.

Артём вдруг усмехнулся.

— Мы в детстве дрались из-за одного велосипеда. Илья был мелкий, всё равно лез первым. Однажды разбил колено до мяса и орал, что это я виноват.

— Был виноват?

— Конечно.

Он улыбался ещё секунду. Потом улыбка исчезла.

— Я бы сейчас всё отдал, чтобы он снова орал на меня из-за велосипеда.

Он показал переписку. И между ними: «Понял».

— Видишь? Что я понял?

Илья сидел под сиреной. Артём — на тёплой кухне. Между ними было: Понял. Через несколько недель Илья почти перестал писать о взрывах. Не потому, что они прекратились. Просто слова закончились. Однажды прислал фотографию абрикосового дерева.

— Выжило.

— Красивое.

Потом снова обсуждали детей и мать. Война оставалась за кадром. Однажды Артём прислал брату видео.

— Зачем ты мне это прислал?

— Посмотри другую сторону.

— Другую сторону чего? Я здесь живу.

Артём долго писал. Удалял. Отправил:

— Я хочу понять.

Илья ответил:

— Тогда сначала поверь мне.

Пять дней они не разговаривали. Потом позвонила мать.

— Ты Илюше звонил?

— Работы много.

Между репликами повисло несколько секунд.

— Не ругайтесь.

Ей было семьдесят три. Для неё не существовало двух геополитических лагерей. Существовали два мальчика. Для государства — территория. Через неделю Артём написал:

— Как вы?

Час. Два. В два часа ночи:

— Здесь.

Артём сел на пол в прихожей. Позже:

— Живы.

Утром он написал брату сообщение почти на страницу. Отправил:

— Я тебя люблю.

— И я тебя. Даже если ты идиот.

Артём засмеялся.

— Сам идиот.

На несколько секунд они снова были просто братьями. Позже Артём сказал Макс:

— Иногда всё ещё хочу доказать ему, что я прав.

Помолчал.

— А потом думаю: допустим, доказал.

— И что?

— Он станет мне ближе?

Глава 15. КТО КОРМИТСЯ ВОЙНОЙ

На проходной одного из заводов Макс увидел две очереди. В одной люди шли на смену, в другой — в отдел кадров.

— Набираете? — спросил он у мастера.

— Набираем.

— А людей не хватает?

— Поэтому и набираем.

Мастер усмехнулся. — Только раньше сын спрашивал, как попасть ко мне на завод. Теперь я спрашиваю, как сделать, чтобы он сюда не попал.

К третьему году войны Макс заметил странность. В одном отчёте предприятие жаловалось на нехватку людей — и одновременно открывало новые вакансии. В другом — о новых производственных линиях. Предприятия увеличивали мощности. Заводы переходили на дополнительные смены.

Война давно перестала помещаться на фронте. Она вошла в экономику. Экономика начала устраиваться внутри неё. Когда-то вопрос «Кому выгодно?» казался Максу универсальным ключом. Найти того, кто получил деньги. Занял рынок.

Провести стрелку назад: получил выгоду → был заинтересован → возможно, организовал. Слишком просто. Контракт, полученный через два года после первого выстрела, ничего не доказывал о первом выстреле. Но что происходило потом?

В промышленном городе завод, недавно сокращавший людей, перешёл на несколько смен. Вернулись инженеры. Возле проходной снова заработало кафе. У города — налоги. Для государства это называлось военными расходами. Для рабочего — зарплатой. Для семьи — возможностью снова планировать жизнь. Рабочий мог ненавидеть войну и бояться, что после мира его смена снова станет лишней.

Директор мог хотеть прекращения боёв и добиваться продления заказа. Подрядчику не требовалась чужая смерть. Ему требовался следующий контракт. Макс позвонил Огневу.

— Допустим, война началась по другим причинам. Проходит время. Появляются производства, контракты, должности. Люди начинают от них зависеть. Значит, появляется интерес к продолжению войны?

— Уже ошиблись.

— Где?

— Приписали людям больше, чем знаете.

— Не к продолжению войны. К сохранению условий, от которых теперь зависит их жизнь.

— Вот.

— Но если эти условия созданы войной?

— Возникает конфликт интересов. Это ещё не желание войны.

— Но может влиять на решения.

— Может.

После разговора Макс записал одну строку: на вопрос «Зачем?» существовал короткий ответ — «Для победы».

А вопрос «До каких пор?» можно было отложить до самой победы. Государство обязано было вооружать армию, лечить раненых, защищать города. Проблема начиналась не в ответе на войну, а там, где временная мобилизация экономики становилась образом будущего.

Война постепенно становилась не чрезвычайным эпизодом, а будущим, под которое перестраивали заводы, бюджеты и человеческие планы. Третий участник разговора был политиком и смотрел на ту же систему иначе: как на способ удержать управляемость.

Никто автоматически не становился сторонником войны. Но мир задавал каждому вопрос: Что станет с их кабинетами, контрактами и полномочиями после мира? Никакого общего приказа для этого не требовалось. Если существует комната, где войну продлевают ради денег, всё просто. Нужно найти комнату. Подрядчик — контракт.

Каждая связь понятна. Вместе возникает то, чего никто не обязан был проектировать.
ЭКОСИСТЕМА.

Но могла пережить причины, которые её породили. Теперь появился второй: Что станет утром с теми, чья жизнь успела устроиться внутри неё? Предприятия нельзя просто выключить. Институты не исчезают от подписи. Биографии тоже.

МИР ТОЖЕ НУЖНО ПРОИЗВОДИТЬ.

Война может закончиться раньше, чем система, которую она построила вокруг себя.

Глава 16. АГНЕП

Макс впервые услышал хорошее о Ригожине не из телевизора. Мужчина напротив говорил о войне буднично. Но стоило спросить про Агнер, лицо изменилось.

— Нормальные там мужики были.

— А Ригожин?

— Жёсткий. Но справедливый.

Эту формулу Макс потом слышал ещё не раз. Бывший боец сказал:

— Ему можно было правду сказать.

— А другим нельзя?

Мужчина пожал плечами.

— Можно. Один раз.

Через несколько дней Макс услышал противоположное.

— Беспредельщик.

Грубость. Унижения. Вспыльчивость.

— Вы сами видели?

Собеседник замялся.

— Не всё.

Макс не стал выбирать удобную версию. Одни видели в Ригожине командира, который не бросал своих. Другие — человека, который легко переходил границы. Важнее для Макса была сама конструкция. Когда-то Агнер мог выглядеть техническим решением.

Государству требовалась сила там, где обычный механизм армии был неудобен. Появлялся исполнитель. Выполнял. Но у инструмента появилась внутренняя жизнь. Люди проходили одни операции, хоронили товарищей, знали своих командиров. Возникало чувство принадлежности, которое нельзя выдать приказом.

— Своих не бросал.

Вот где находилась сила. В слове «свои». Ощущение «мы» возникало внутри. Пока приказ сверху совпадал с внутренней лояльностью, разницы почти не было. Она становилась видна, когда они расходились. Ригожин всё чаще говорил не как человек, которому поручили выполнить задачу. Как человек, считающий себя вправе оценивать тех, кто её поставил.

Исполнитель сначала говорил:

Я ЛУЧШЕ ЗНАЮ, КАКОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ САМА ЗАДАЧА.

В системе власти — огромная. Пока Агнер отвечал на вопрос «как?», он оставался инструментом. Когда начал отвечать на вопрос «что правильно?», появился другой: кто имеет право решать? Государство создало вооружённую структуру для выполнения собственной воли. Структура получила опыт. Опыт — авторитет. Авторитет — личную лояльность.

И оружие. Летом вооружённые колонны Агнера вышли из прежней роли. Макс не пытался свести это к одной причине. Достаточно было результата. Инструмент начал претендовать на право выбирать цель.

Глава 17. МАРШ НА ОСКВУ

Макса разбудил телефон. Вооружённые люди. Ригожин. То, что вчера существовало в словах, вышло на дорогу. На экране висело ночное сообщение Алекса: «Какой спор ещё можно считать нормальным?» Телефон снова завибрировал. Макс ответил: «Хороший — пока спор можно проиграть и остаться человеком». Самый точный ответ.

Конфликт Ригожина с военным руководством длился давно. Потом государство потребовало встроить вооружённые формирования в общую систему подчинения. Для государства — возвращение контроля. Для Агнера — потеря самостоятельности. Что стало непосредственным толчком, Макс не знал. Дальше мотивы переставали быть главным.

Колонна двигалась к столице. Само движение становилось политическим действием. Макс смотрел не только на карту. Кто заговорил сразу. Кто дождался выступления Втупина.

Кто молчал, пока не стало ясно, на чьей стороне силовые структуры. Лояльность получила время публикации. Теперь за неё можно было заплатить карьерой.

Иногда жизнью. Когда система устойчива, люди борются за близость к центру. Когда центр может дрогнуть, вопрос меняется: останется ли центр центром? Утром выступил Втупин. Назвал происходящее вооружённым мятежом и предательством. Отвечал лично Резидент. Колонна продолжала идти.

Кто выполнит? Что произойдёт, если люди, вчера воевавшие на одной стороне, встретятся с оружием? Макс подумал о бойцах Агнера: ещё вчера одно название соединяло их в единую силу. К вечеру колонны остановились. Ригожин объявил, что разворачивает их, чтобы избежать крови. Появилась договорённость.

Ключевые структуры не перешли на сторону Агнера. Вечером участникам позволили остановиться. Чтобы наказать вооружённую колонну, сначала нужно сделать так, чтобы она перестала двигаться. В тот день это оказалось важнее. Вместе с остановкой колонны возвращалась уверенность в устойчивости системы. Но произошедшее не доказало, что система неуязвима.

За несколько часов вооружённая структура заняла крупный военный центр, двинулась к столице и заставила Резидента обратиться к стране. Насколько реальной была угроза падения власти, Макс не знал. Но невозможное несколько часов существовало как вариант. Осква продолжала жить. Магазины были открыты.

Вечером она шла обратно. Самое опасное для власти начинается не тогда, когда против неё выступают. А когда остальные ждут, кто победит.

Глава 18. 23 АВГУСТА

Новость пришла вечером. Частный самолёт, летевший из Осквы в Етербург, разбился в Верской области. Он открыл видео. Макс выключил звук. На соседней вкладке была военная хроника. Несколько машин шли к целям без колебаний, которые человек привык называть страхом, жалостью или сомнением.

Макс остановил кадр. Самым страшным было не то, что машина могла поразить цель. Самым страшным было отсутствие причины остановиться, если остановка не входила в задачу. А завтра? Два месяца назад вооружённая колонна шла на Оскву. Втупин назвал происходящее мятежом и предательством. Колонна остановилась.

ФАКТ: ПАССАЖИРЫ ПОГИБЛИ.

Устранение. Последовательность выглядела слишком убедительно: мятеж. Раньше Макс начал бы достраивать картину. Мужчина напротив сказал:

— Вы правда думаете, что они сами все вместе сели в один самолёт?

— А почему нет?

— Боевые командиры. Только что пошли с оружием на Оскву.

Макс промолчал.

— Я думаю, они вообще туда сами не сажались.

— Что вы имеете в виду?

— Их могли загрузить без сознания. Или мёртвыми.

Версия была дикой.

— Почему вы так решили?

— Люди с таким опытом не собирают ключевых командиров на одном борту после такого.

— Это предположение.

— Конечно. Но подумать можно.

ЛОГИЧНО ≠ ДОКАЗАНО.

— Значит, согласны?

— Нет.

— Тогда зачем записали?

— Чтобы не забыть, что версия существует.

Дома рядом появилась строка:

ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕТ.

Позже Втупин заявил, что в телах погибших обнаружили фрагменты ручных гранат, а внешнего воздействия на самолёт, по имеющимся данным, не установили. Это добавило деталь. Не ответ. Перечеркнул не события. Стрелки. События были фактами. Связь нарисовал он. В 2013-м Макс было важно первым увидеть скрытую конструкцию.

Теперь он боялся другой ошибки: принять собственную конструкцию за устройство мира. На чистой странице:

ФАКТ: ПАССАЖИРЫ ПОГИБЛИ.

Этого оказалось достаточно.

Глава 19. УРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Утром шестого августа война пересекла границу, которую ещё недавно считали надёжной. Не на карте. В сознании. До этого война происходила там. На территории Краины. Даже когда беспилотники долетали до Оссии, сохранялось удобное различие:

там — фронт. здесь — страна. Теперь его не стало. Подразделения армии Краины вошли в Урскую область. Не диверсанты. Армия. Через несколько дней противник находился внутри страны. Макс смотрел совещание Втупина с военными и губернаторами.

На экране менялись карты. Говорили спокойно. Так, словно правильная интонация могла уменьшить расстояние между границей и чужими войсками. Макс открыл выступление Втупина февраля 2022-го. Устранение угрозы. Между ними прошло два с половиной года. Война, начатая под обещание сделать Оссию безопаснее, пришла на территорию самой Оссии.

Макс остановил запись. На одном экране оставалась карта, на другом — февральская речь 2022-го. Он поставил окна рядом. Обещание и результат уместились на одном мониторе. Рука потянулась к блокноту, но он ничего не написал.

Телефон показал новое видео из Урской области. Макс открыл его без звука. Люди грузили сумки в автобус. Кто-то держал клетку с кошкой. Кто-то возвращался к подъезду — за документами, лекарствами, зарядкой, чем угодно, что ещё минуту назад казалось мелочью. Макс написал на полях только три слова: «что защищаем теперь?»

Теперь государство защищало в том числе последствия собственного прошлого решения. В Урской области находились срочники — юноши, которых призвали на обязательную службу и о которых общество убеждали, что они не окажутся на войне. Государству не пришлось отправлять их на фронт.

Фронт пришёл к ним. На одном видео женщина закрывала дверь квартиры и никак не могла попасть ключом в замок. Рядом стояла спортивная сумка. За кадром её торопили к автобусу. Вчера это был дом. Сегодня — точка эвакуации. При Втупине сила государства давно стала частью официального образа Оссии. Порядок восстановлен.

В бегущей строке менялись формулировки: «вылазка», «сложная оперативная обстановка», «меры по стабилизации». Макс выключил звук и открыл карту. Красная зона от этого не стала меньше.

Стало ли безопаснее? До большой войны армия Краины не занимала оссийские населённые пункты. Теперь занимала. Объяснений могло быть много. Результат — один. Макс записал: «ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЦЕЛЬ ДОЛЖНА ПРОВЕРЯТЬСЯ НЕ ОБЕЩАНИЕМ, А РЕЗУЛЬТАТОМ».

На огромной территории Оссии Урская область выглядела почти незаметно. Но именно там война столкнулась со своим первоначальным оправданием. Её начинали, чтобы отодвинуть угрозу. Угроза приблизилась. Телефон снова завибрировал. На этот раз Макс не стал переворачивать его экраном вниз.

Глава 20. ОЗАК

На полях старой записи возле фамилии Озак стояло пятно от кофе. Макс вспомнил встречу: Озак тогда опоздал на семь минут и извинился перед официанткой раньше, чем перед людьми за столом.

— Переговорщик должен знать, кто принесёт следующий кофе, — сказал он.

Все засмеялись. Потом он добавил: — И кто завтра будет сидеть напротив. Вот это обычно сложнее. Макс случайно нашёл блокнот 2020 года. Озак. Тогда война ещё не вошла в повседневный язык Оссии. Существовало другое слово: урегулирование. Озак получил краинское направление. Его работой было искать договорённость там, где стороны всё меньше верили друг другу. Макса интересовала функция.

Переговорщик. В блокноте остался вопрос: Если системе не нужна решённая проблема, переговорщик рано или поздно становится лишним? Тогда мысль казалась сильной. Теперь — слишком удобной. Красивые гипотезы быстро начинают нравиться своему автору. В январе 2022-го Озак снова участвовал в переговорах.

Прорыва не было. Через несколько недель началась большая война. Позднее появились сообщения со ссылками на источники, что Озак пытался предложить Втупину вариант договорённости с Краиной. Втупин предложение не принял. Официально эту версию отрицали.

Макс отметил:

ИСТОЧНИКИ НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ. ОФИЦИАЛЬНО ОТРИЦАЕТСЯ.

Версия слишком хорошо совпадала с его собственной. Прошли годы. Озак становился всё менее заметен. Появлялись новые сообщения: он выступал за прекращение боевых действий и возвращение к переговорам. Снова источники. Тоже зачеркнул. Значит, была полезнее. Шесть лет назад Макс хотел разоблачить систему.

Теперь — понимать. Озак ушёл. Дело было не в одном человеке. За годы войны под неё перестраивалась государственная машина. Прекращение войны начинало означать изменение не только линии фронта, но и порядка, выросшего вокруг неё.

Никто не обязан собираться ночью за одним столом и говорить:

— Война должна продолжаться.

Такого решения могло вообще не существовать. Система могла двигаться в прежнюю сторону просто потому, что каждый её элемент продолжал делать то, что уже умел. Макс записал: Возможно, Озак действительно предлагал путь к соглашению. Возможно, масштаб его несогласия преувеличивали. Макс этого не знал. И не заполнял пробел.

Макс закрыл файл. На экране осталась пустая строка, и курсор продолжал мигать.

Глава 21. РАМП

В мастерской рядом с домом механик смотрел запись покушения на Рампа на старом телефоне.

— Крепкий, — сказал он.

— Это ваш политический анализ? — спросил Макс.

Механик пожал плечами. — Я машины чиню. После удара сначала смотрю, едет ли дальше. Потом уже выясняю, почему занесло. Макс запомнил фразу. Рамп вернулся иначе. Макс заметил это ещё во время кампании. 13 июля 2024 года Рамп выступал перед сторонниками.

Раздались выстрелы. Кровь шла по лицу. Покушение было фактом. Политика начиналась там, где факт превращался в историю. Через несколько месяцев Рамп выиграл выборы. 20 января 2025 года началась его вторая каденция. В Белый дом вернулся человек, который уже был президентом, проиграл, пережил покушение — и вернулся. Он всегда любил сделки.

Теперь почти перестал притворяться, что политика устроена иначе. Союзник должен был объяснить, зачем он нужен. Мир — что даёт. Макс эта интонация сначала понравилась. После

нескольких лет войны даже грубый разговор о мире казался лучше красивого разговора о следующей партии оружия.

Но история Озака научила осторожности. В феврале 2025 года Клоунов приехал в Белый дом. Через несколько минут всё пошло не по сценарию. Клоунов говорил о гарантиях и недоверии к Втупину. Рамп раздражался. Вице-президент вмешивался всё жёстче. Камеры продолжали работать.

— Вы должны быть благодарны.

Клоунов ответил. Его перебили. Он снова попытался объяснить. Рамп повысил голос:

— У вас сейчас нет сильных карт.

Клоунов не отступил. В комнате исчезла дипломатия. Остались люди, каждый из которых пытался заставить другого принять свою реальность. Так союзники обычно не разговаривают перед камерами. Так разговаривают, когда хотят, чтобы камеры всё увидели. Клоунов уехал раньше. Подготовленное соглашение осталось неподписанным.

Макс отметил: Рамп перевернул стол. Но перевёрнутый стол ещё не становился переговорным. Позже соглашение всё-таки подписали. ША получили экономический интерес в восстановлении Краины. Краина — ещё одну связь с ША. Рамп — сделку. Война продолжалась. Сделка вокруг войны могла быть успешной и ничего не изменить в самой войне.

Летом Рамп встретился с Втупиным на Аляске. Прорыва не произошло. Макс уже знал этот язык. Если результата нет, результатом легко становится процесс. Непредсказуемость Рампа была способом давления. Рамп уверял, что сделка возможна.

Что каждая сторона готова назвать миром?

Глава 22. МИР, КОТОРОГО НЕТ

Слово осталось на экране: МИР. В это же время знакомый из Краины прислал фотографию подвала. Матрас, два термоса, детская куртка на трубе. «Сегодня тихо», — написал он. Макс долго смотрел на эти два слова. Для человека в подвале мир начинался именно так: ночью никто не стреляет.

Но для других мир начинался не с тишины. Он требовал ответа на другой вопрос: что считать справедливым итогом и какую память сохранить общей.

МИР КАК ПОБЕДА.

Победа не требовала согласия. Нужен был результат, который можно объявить своим. В дипломатическом документе — компромисс.

МИР КАК БЕЗОПАСНОСТЬ — И ПАУЗА.

Оссия — что Краина вооружится ещё сильнее. Можно подписать документ и на следующий день готовиться к его нарушению. На экране появилось другое слово: влияние. Влияние — возможность распоряжаться не только своими ресурсами, но и возможностями других. Макс долго казалось, что проблема экономическая. Сделать человека важнее капитала.

Ограничить власть денег. Но правила тоже меняют люди. С тем же страхом потерять контроль. С той же привычкой делить мир на тех, кто решает, и тех, за кого решают. Управление строилось так же: остальные исполняют. Чем больше система, тем легче в ней исчезает отдельный человек. Он становится показателем. Система не обязана ненавидеть человека.

Его меняют, когда он перестаёт работать. Соединилось то, что раньше лежало в разных папках. Капитал. Власть. Война. Управление. Новые лидеры ничего не гарантировали. Новые законы тоже. Старая логика умела жить под новыми названиями. ПРОЦВЕТАНИЕ вдруг оказалось куда шире, чем Макс привык его представлять. Не как научную систему — такой системы у него не было. Как координату.

Человек — цель. Всё остальное — инструмент. Эта формула осталась на странице. На экране снова обсуждали мир. Макс уже не думал только о том, какие условия подпишут Втупин, Клоунов или Рамп. Вопрос стал больше их всех. Если мышление остаётся борьбой за пре-

восходство, разговор — способом давления, а управление — правом распоряжаться другими, можно ли построить устойчивый мир?

На последней странице он оставил:

ЕСЛИ МЫ НЕ ИЗМЕНИМ СПОСОБ, КОТОРЫМ ЖИВЁМ ДРУГ С ДРУГОМ, ЛЮБАЯ НОВАЯ СИСТЕМА РАНО ИЛИ ПОЗДНО ВОСПРОИЗВЕДЁТ СТАРУЮ ВОЙНУ.

Глава 23. ВОЙНА ПРИЕЗЖАЕТ ДОМОЙ

Сначала война жила в телевизоре. Карты. Сводки. Стрелки. Города, которых большинство оссиян никогда не видело. Макс тоже смотрел сверху. Видно территорию. Километры. Потом телефон завибрировал в половине четвёртого утра.

УГРОЗА АТАКИ БПЛА.

Город выглядел мирным. Домовой чат.

— Слышали?

— Да.

— Это дрон?

— Пишут, ПВО.

— Где?

Никто не ответил. Макс отступил от стекла. Сам. Без команды. Ещё недавно при странном звуке человек подходил к окну. Теперь отходил. Люди поехали на работу. В официальном сообщении:

ВРЕМЕННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ.

Самолёты не летали из-за войны. Ограничение. В кафе Макс услышал:

— Твой улетел?

— Нет. Четыре часа сидят.

— Опять беспилотники?

Женщина пожала плечами.

— Какая разница. Лишь бы выпустили.

И отпила кофе. Макса испугал не страх. Его отсутствие. Ненормальное получало расписание. Перед поездкой люди проверяли уже не только погоду. Перед сном — предупреждения. Странные звуки переставали удивлять. Жизнь приспосабливалась.

Войне не требовалось, чтобы человек каждый день боялся. Достаточно, чтобы привык. Однажды ночью взрыв оказался ближе. Дрогнуло стекло. Телефон вспыхнул:

— Отойдите от окон!

Через несколько секунд:

— У кого дети — в коридор!

Из соседней комнаты спросили:

— Что случилось?

— Не знаю.

— А что делать?

Макс промолчал. Вот этот вопрос оказался страшнее. Государство годами объясняло, кто враг и почему нельзя уступать. Но когда война оказалась возле дома, человеку понадобился другой ответ. Что делать ему?

В стране продолжали наращивать мощности, связанные с войной и её последствиями. Даже смерть постепенно превращалась из исключительного события в задачу мощности. Для семьи человек исчезал навсегда. Для системы оставались нормативы, сроки и пропускная способность.

Система не обязательно хотела смерти. Она училась обслуживать её последствия. Макс закрыл материал. Попытался вспомнить, когда в последний раз слышал не о том, что страна должна выдержать, а о том, какой должна стать жизнь после этого.

Не вспомнил. Но говорили: выстоим. «Вystoим» ничего не говорило о том, что будет потом. Будущее отодвигалось. Даже разговоры Рампа о возможной сделке относились всё к тому же сегодняшнему дню. Страна почти перестала говорить в будущем времени. Сегодня надо выдержать. Безопасное расстояние сокращалось.

Для человека война переставала быть линией на карте и входила в дом. Пока она находилась где-то далеко, можно было говорить о сферах влияния. Когда дрожит твоё стекло, карта исчезает. От обычного человека ничего не зависит. Потом приходят жертвы. Человек, привыкший отдавать системе право решать за себя, однажды обнаруживает, что она решает и цену его жизни.

На экране снова обсуждали войну. Никто не говорил, какой станет Оссия после неё. Никто не отменял будущее. Просто настоящее стало важнее. Если человек не является целью системы, зачем системе его будущее? Ей нужна его функция сегодня.

УГРОЗА СОХРАНЯЕТСЯ.

Через несколько минут телефон снова завибрировал.

УГРОЗА СОХРАНЯЕТСЯ.

Макс ничего не написал. За окном был его город. И впервые главным вопросом войны стало не то, кто победит. А останется ли у оссиян после победы будущее, ради которого стоило побеждать.

ЧАСТЬ IV. НОРМАТИВНОЕ СОСТОЯНИЕ

Ночью Макс написал Michael.

Он вырос в Рыму, когда город ещё был частью Краины, но три года назад переехал в Оскву. Там Michael жил, работал и строил взрослую жизнь. У сына была военная кафедра и бронь от мобилизации — два слова, которые должны были успокаивать.

Они не успокаивали. «Всё нормально. Не накручивай себя», — написал Michael. Макс перечитал сообщение дважды. Потом открыл новости. Снова обсуждали мобилизационный ресурс, новые правила, исключения, отсрочки. Он вернулся в переписку. Под именем сына стояло: «был в сети 6 минут назад». Через десять минут проверил снова. «Был в сети 16 минут назад».

Бронь существовала на бумаге. Michael уже три года жил в Оскве. Но война всё равно проходила через его биографию: детство — в Рыму, взрослая жизнь — в столице Оссии. Макс впервые поймал себя на том, что считает не вероятности. Минуты.

Глава 24. УБЕЖИЩЕ

Утром Макс спустился в метро и впервые посмотрел на станцию не как пассажир. До поезда оставалось две минуты. Люди стояли у края платформы, кто-то читал сообщения, женщина рядом поправляла ребёнку шапку. Из тоннеля потянуло воздухом.

Обычное утро. Макс поднял голову. Высоко над путями уходили вентиляционные шахты. За стенами находились помещения, которых пассажир никогда не видел. Он ездил здесь много лет. Раньше всё это было просто метро. Накануне вечером ему попался документ гражданской обороны. Потом ещё один. В восьмидесяти двух регионах Оссии приводили в нормативное состояние более двадцати тысяч защитных сооружений.

Убежище становилось таким же объектом хозяйства, как лифт или котельная. Метро приехало. Макс вошёл в вагон. Мужчина напротив почти сразу уснул. Девушка возле двери листала интернет-магазин. Макс вспомнил другие документы.

В метрополитене уже существовали защищённые станции и убежища. Закупались средства гражданской обороны, респираторы, фильтры, оборудование для радиационной и химической защиты. Макс сделал пометку и закрыл документ. Поезд нырнул в тоннель. За окном стало чёрно. Вечером появился ещё один документ.

Метрополитен заказывал обоснование мероприятий по гражданской обороне. Нужно было определить, какие станции и участки достроить, что дооборудовать, что адаптировать для защитных функций.

Макса зацепило не слово «убежище». Воздух. Проектировщики должны были учитывать возможность попадания в вентиляцию радиоактивной пыли, аэрозолей и отравляющих веществ. До этого убежище казалось ему просто помещением за толстыми стенами.

Теперь выяснялось, что спрятать человека недостаточно. Ему ещё нужно дать воздух. Система вентиляции должна была выполнять обычную функцию — пока воздух снаружи оставался обычным. Потом включалась другая логика. Очистить. Сохранить внутри то, чем снаружи пользоваться уже нельзя.

На пустом экране появилась первая строка. Она выглядела убедительно. Макс стёр предложение. Если существует угроза, государство обязано к ней готовиться. В этом не было преступления. Не сами убежища. Не герметичные двери.

Та же вентиляция должна была давать воздух, а потом защищать от воздуха. Та же дверь должна была пропускать людей, а потом отделять их от города. Первое назначение никуда не исчезало. Просто рядом появлялось второе. Макс позвонил Огневу.

— Что доказывает строительство убежища?

— Что построили убежище.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

— Если государство восстанавливает тысячи защитных сооружений, дооборудует метро, закупает средства гражданской обороны — что это значит?

— Что оно повышает готовность гражданской обороны.

— Масштаб имеет значение.

— Имеет.

— И война имеет значение.

— Конечно.

— Тогда почему я не могу написать, что Оссия готовится к долгой войне?

— Потому что ты этого не знаешь.

— Ты знаешь, что война идёт?

— Да.

— Что угроза территории страны существует?

— Да.

— Что система увеличивает способность защищать людей и инфраструктуру?

— Да.

— Вот это и пиши.

— А если они рассчитывают на десять лет?

— Найди документ про десять лет.

— А если его никогда не будет?

— Тогда у тебя никогда не будет этого факта.

Через день Макс снова ехал в метро. Вагон был переполнен. Ребёнок возле двери спросил мать:

— Нам ещё долго?

— Три станции.

— А потом?

— Выходим.

У этого маршрута был конец. Название станции. Количество остановок. Момент, когда нужно выйти. К вечеру он снова вернулся к материалам гражданской обороны. Чем дольше

читал, тем меньше видел сенсацию. И тем тревожнее становилось. Здесь никто ничего не скрывал.

Были документы, закупки, требования к готовности. Каждая мера по отдельности была разумна. Если есть угроза — нужны укрытия. Если внешний воздух может стать опасным — нужна фильтрация. В истории изменений сохранилась первая фраза: «ОССИЯ ГОТОВИТСЯ К ДОЛГОЙ ВОЙНЕ».

Он стёр её и написал точнее: «ОССИЯ УВЕЛИЧИВАЕТ СПОСОБНОСТЬ ЖИТЬ В УСЛОВИЯХ ДЛИТЕЛЬНОЙ УГРОЗЫ». Первая формулировка пугала больше. Вторая — была страшнее.

Глава 25. МОЩНОСТЬ

Сначала Макс увидел заголовок. Потом цифру. Потом ещё одну. В Оссии расширялась кремационная инфраструктура. Новые проекты появлялись в разных регионах. После санкций возникли отечественные производители кремационного оборудования. На рынке обсуждались десятки объектов на разных стадиях подготовки.

После предыдущей главы всё складывалось слишком легко. ГОСТ на срочное захоронение. Фильтрация воздуха. Строка объясняла всё. Он нашёл количество проектов. Нашёл сведения о производителях оборудования. Рост городов. Каждая причина выглядела возможной.

Он позвонил Огневу.

— Я нашёл рост кремационной инфраструктуры.

— Поздравляю.

— Не начинай.

Макс коротко рассказал. Огнев дослушал.

— И какой вывод?

— Пока никакого.

— Уже лучше.

— Но совпадение тебя не смущает? Война. ГОСТ. Убежища. Теперь крематории.

— Ты хочешь, чтобы я сказал, что всё связано?

— Я хочу понять, связано ли.

— Доказана связь с войной?

— Нет.

— Тогда не придумывай мотив.

— А если связь есть?

— Найдёшь доказательство — напишешь.

— А если доказательства никогда не будет?

— Тогда у тебя останется гипотеза.

Макс раздражённо откинулся на спинку кресла.

— Ты понимаешь, как это выглядит?

— Конечно.

— И тебя это вообще не беспокоит?

— Меня беспокоит другое.

— Что?

— Как быстро ты начинаешь любить объяснение, которое совпадает с твоим страхом.

Макс оставил это без ответа.

— Страшная версия даёт ощущение, что ты наконец понял систему, — продолжил Огнев.

— Но если факты складываются в один рисунок?

— Рисунок строишь ты.

— Факты существуют без меня.

— Факты — да. Связи между ними — не всегда.

— Значит, ничего нельзя сопоставлять?

— Сопоставляй. Только не путай «совпадает» и «доказывает».

— Есть война. Есть расширение кремационной инфраструктуры. Можно предположить связь?

— Можно.

— Можно написать, что причина — война?

— Нет.

— Почему последнее слово всё портит?

— Потому что оно превращает твоё предположение в чужое намерение.

Макс удалил предложение окончательно. Вместо него написал: «ФАКТ: МОЩНОСТИ РАСТУТ. ПРИЧИНА: НЕ УСТАНОВЛЕНА». На следующий день он поехал посмотреть на один из действующих крематориев. Перед зданием стояли машины. Люди выходили небольшими группами. У входа мужчина курил, держа телефон двумя руками. Чуть дальше женщина говорила кому-то:

— Да, закончили. Сейчас поедem.

Обычная человеческая смерть. Без сценария. Без тайного плана. Макс остановился на противоположной стороне улицы. Один крематорий был частью города. Десятки новых проектов уже казались тенденцией. А тенденция почти автоматически просила объяснения. Если две точки можно было соединить линией, рука тянулась соединить.

Если появлялась третья — линия начинала казаться маршрутом. На четвёртой хотелось объявить направление. Это оставалось фактом. Раньше такая неопределённость раздражала его. Теперь он начал воспринимать её как часть работы. Макс закрыл несколько окон браузера. Документы. Но честнее.

Начать отбрасывать всё, что мешает цели. Защищать вывод от результата. То же самое, против чего он писал последние годы. Только с другой стороны.

ФАКТ: МОЩНОСТИ РАСТУТ.

Больше ничего.

Глава 26. НОРМАТИВНОЕ СОСТОЯНИЕ

На следующей станции ребёнок уронил булку. Она покатилась под сиденье. Мужчина в дорогом пальто нагнулся первым, поднял её и протянул мальчику. Мать засмеялась: — Всё, теперь только голубям. Мальчик серьёзно кивнул. На несколько секунд вагон оказался просто вагоном, а не элементом инфраструктуры.

Утром Макс ехал в метро. Напротив девушка красила ресницы, глядя в маленькое зеркало. Мужчина рядом читал сообщения. Ребёнок ел булку и собирал крошки ладонью. Поезд остановился. Люди вышли. Другие вошли. Обычное утро. Макс смотрел на станцию и теперь видел в ней два объекта. Один возил людей на работу. Другой должен был укрывать их. В документах существовали защитные отсеки, фильтрация, герметизация.

Всё называлось спокойно. От человека требовалось только одно: следовать инструкции. Ребёнок доел булку. Через несколько станций они выйдут на поверхность. При другом сигнале люди должны будут делать противоположное. Не выходить. Спускаться. Ждать. На рекламном экране появилась женщина возле нового жилого комплекса. «Жизнь, о которой вы мечтали».

Поезд ушёл в тоннель. Макс увидел в стекле отражение вагона. Люди ехали по своим делам внутри объекта, который в другой ситуации должен был отделить их от внешнего мира. Он достал телефон. Факты этого не доказывали. Убежища существовали раньше. Гражданская оборона была обязанностью государства.

Макс написал иначе:

ОБЪЕКТ ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ В ГОТОВНОСТИ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ В УСЛОВИЯХ УГРОЗЫ.

Прочитал. Точно. И почти безобидно. На следующей станции ребёнок спросил:

— Нам ещё долго?

- Три станции, — ответила мать.
- А потом?
- Выходим.

У этого маршрута был конец. Такая готовность складывалась из обычных действий: проверить, отремонтировать, поддерживать. Ни одно не выглядело историческим. Именно поэтому их можно было выполнять годами. Без речи. Без момента, когда человеку сообщают: теперь вы живёте иначе. Макс вышел на поверхность. Повседневность не отменяли.

Позвонил Огнев.

- Ты где?
- У метро.
- Что нашёл?
- Ничего нового.
- Уже хорошо.
- Если станция одновременно транспорт и убежище, что из этого настоящее?
- Оба.
- Даже если люди пользуются только одним?
- Пока.

— Для превращения станции в убежище не надо строить другой объект. Достаточно переключить функцию.

- Да.
 - Значит, чрезвычайная реальность уже встроена в обычную.
 - Возможность чрезвычайной реальности.
 - Ты опять исправляешь одно слово.
 - Иногда одно слово и есть разница между фактом и твоей книгой.
- Макс посмотрел на поток людей у входа.
- Но её приводят в нормативное состояние.
 - Да.
 - Получается, система создаёт норму для ненормальной ситуации.

Огнев помолчал.

- Вот это оставь.

Связь закончилась. Макс остался у метро. Люди спускались вниз. Никто не выглядел так, будто входил в объект гражданской обороны. Им это было и не нужно. Система не требовала от них думать об опасности каждый день. Достаточно было, чтобы сама инфраструктура была готова. Макс открыл заметку.

Ниже дописал: «ЕЁ МОЖНО ПРИВЕСТИ В НОРМАТИВНОЕ СОСТОЯНИЕ».

Глава 27. ВАКАНСИЯ

Объявление прислал Антон. Единовременная выплата. Макс несколько секунд смотрел на экран. Война долго умела приходить к человеку повесткой. Теперь у неё появился другой интерфейс. Через несколько дней Игорь показал похожее объявление. Тридцать восемь лет. Жена преподавала английский детям.

Они встретились у Антона дома.

- Решил? — спросил Антон.
- Почти.

Игорь показал телефон.

- Жене объяснить надо.
- Что? — спросил Макс.
- Что это по специальности.
- В военном подразделении?
- Да.

Игорь раздражённо сказал:

— Я же не штурмовиком.

Фраза прозвучала как граница. По другую — он. Первое, что она спросила:

— Сколько?

Он назвал сумму. Потом ежемесячную выплату. Жена села.

— А делать что?

— То же, что сейчас.

— Где?

Собеседник выдержал короткую паузу.

— В военном подразделении.

— Ты серьёзно?

— Я же не штурмовиком.

— Какая разница?

— Огромная.

— Для кого?

— Для меня.

— А для войны?

Игорь промолчал.

— Буду заниматься техникой.

— Какой?

— Беспилотниками.

— Которые что делают?

— Я не оператор.

— Я не спросила, кто ты.

Он отвёл глаза. Сыну нужны брекеты. Ничего из этого не имело отношения к войне. Но война предлагала деньги, которые имели отношение ко всему. Через несколько дней Макс встретил Игоря.

— Решил?

— Пойду.

— Жена согласилась?

— Нет.

— Тогда почему?

Игорь пожал плечами.

— Посчитали.

— Что?

— Всё.

— И что получилось?

— Если остаюсь, ещё несколько лет будем вылезать. Если иду — большую часть закроем сразу.

— Ты понимаешь, чем платишь?

Игорь усмехнулся.

— Жизнью, хочешь сказать?

— Ты сравниваешь мою жизнь с нулём. А у неё уже есть цена.

— Какая?

— Ипотека. Сын. Родители.

— Это не цена жизни.

— Для тебя — нет.

Он убрал телефон.

— А мне с ними жить.

Игорь не был отчаявшимся. У него была обычная жизнь, которую он хотел быстрее устроить. Поэтому предложение не выглядело прыжком в другую. Скорее способом решить эту.

— Боишься?

— Конечно.

— И всё равно идёшь?

Игорь посмотрел на него.

— Я же не штурмовиком.

Теперь Макс услышал в этих словах не объяснение. Разрешение. Дома он снова открыл объявление. Он вспомнил:

— Посчитали.

Одно слово. Войне больше не обязательно было стучать в дверь. Она могла ждать, пока человек сам откроет сайт.

ВОЙНА НАУЧИЛАСЬ ПРИХОДИТЬ ВАКАНСИЕЙ.

Глава 28. НЕ ВО

Объявление выглядело успокаивающе. Набор в мобильные огневые группы. Защита объектов от беспилотников. И отдельно:

НЕ НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ В ЗОНЕ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ.

Макс перечитал последнюю строку. Раньше главный вопрос звучал просто: отправят или нет? Теперь для военной функции человеку не требовалось уезжать. Через несколько дней Макс встретил Сергея. Водитель. Сергей держал телефон с открытым объявлением.

— То есть я дома?

— Да.

— И туда не отправят?

— Служба здесь.

— От беспилотников?

— Да.

Сергей помолчал.

— То есть не ВО?

Сотрудник посмотрел на экран.

— Не непосредственная служба в зоне военной операции.

— Я не это спросил.

Разговор на несколько секунд остановился.

— Вы остаётесь здесь.

Сергей кивнул. Ему было важно не название войны. Расстояние до дома. На улице он позвонил жене.

— Ну что?

— Здесь.

— Что здесь?

— Служба.

— Ты же говорил, что не пойдёшь.

— Я и не иду.

В трубке повисла короткая тишина.

— А это тогда что?

Сергей посмотрел на дорогу. Мимо проехал автобус.

— Это здесь.

Макс запомнил ответ. Не «не война». Только дома теперь требовался человек с оружием. Через несколько дней Макс снова открыл объявления.

ФРОНТ СТАЛ БЛИЖЕ.

Удалил. Дело было не только в расстоянии. Раньше фронт и тыл различались прежде всего местом. Теперь военная функция появлялась внутри пространства, которое продолжали называть тылом. Ничего не переименовывали. Завод оставался заводом. Город — городом. Макс позвонил Огневу.

— Если вооружённая группа защищает завод от боевого беспилотника, это фронт?

— Нет.

— Тыл?

— Формально — да.

— Тогда что изменилось?

— Сам тыл.

— Если назовёшь всё фронтом, слово перестанет что-либо различать, — сказал Огнев.

— А если продолжать называть всё тылом?

— Можно не заметить, что изменилось его содержание.

Макс снова открыл объявление. Фраза была правдивой. Сергей действительно оставался дома. Макс вспомнил:

— Ты же говорил, что не пойдёшь.

— Я и не иду.

Он не лгал.

Глава 29. ТЫЛ

Сначала Макс перестал открывать новости ночью. Из-за повторяемости. Ночью — удар беспилотников. Утром — уточнение: нефтебаза, подстанция, предприятие. Иногда жилой дом. Однажды Алекс спросил:

— Что там?

— Опять прилетело.

— Куда?

— Нефтебаза.

— Далеко?

Макс назвал область. Алекс включил чайник.

— Погиб кто-нибудь?

— Пока пишут, что нет.

— Ну и хорошо.

Через минуту спросил:

— Хлеб остался?

Ещё недавно такая новость остановила бы утро. Теперь помещалась между чайником и завтраком. Она занимала меньше внимания. Через несколько дней ночью загорелось предприятие. Утром сообщили, что производство частично продолжается. К полудню новость ушла вниз.

Что можно остановить? Граница проходила уже не только по линии на карте. Макс встретился с Виктором, владельцем небольшой типографии. Тот положил телефон на стол.

— Ночью видел?

— Да.

— У нас там поставщик.

— Попали по нему?

— Нет.

— Тогда что?

— Отгрузки задержат.

— Из-за удара?

— Из-за того, что было после.

— На сколько?

— Не знают.

Виктор усмехнулся.

— Самое интересное: по мне никто не стрелял.

— А работа всё равно встала.

— Раньше ты говорил: война там, бизнес здесь.

— Раньше расстояние помогало.

— А теперь?

— Теперь нет.

Макс наклонился вперёд.

— Ты в тылу?

— Конечно.

— А если объект, от которого зависит твоя работа, атакуют?

— Тогда атаквали его.

— А ты?

— А я жду поставку.

Макс улыбнулся. Виктор сказал точнее, чем собирался. Он действительно оставался в тылу. Типография тоже. Но фронту больше не требовалось занимать пространство, чтобы влиять на него. Дома Макс написал:

ТЫЛА БОЛЬШЕ НЕТ.

Эффектно. И неправильно. Большая часть страны продолжала жить обычной жизнью. Тыл существовал. Макс удалил фразу. Открыл новости. Новый удар. Повреждён промышленный объект. В другом регионе временно ограничили работу аэропорта. Утром люди снова поедут на работу. Макс долго смотрел на пустую страницу.

ГДЕ ТЕПЕРЬ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ФРОНТ?

Глава 30. ВОЕННЫЕ РЕЛЬСЫ

Через неделю после ухода Димы Антон написал Макс: «Заедешь?» Макс приехал к вечеру. В мастерской было непривычно тихо. Димин стол пустовал. Лампа на длинном шарнире, коробка с разъёмами, кружка с выцветшей надписью — всё осталось на месте.

Антон подошёл к стеллажу, взял плату и машинально повернулся к пустому столу. Остановился. Положил плату рядом с собой.

— Не нашёл замену? — спросил Макс.

— Нашёл троих.

— И?

— Один уже на оборонке. Второй туда устраивается. Третий назвал зарплату.

Антон открыл переписку.

— Почти как у Димы по контракту.

— Вот именно.

— И что будешь делать?

— Пока ничего.

На соседнем столе лежал разобранный блок управления.

— Это должно было уйти вчера, — сказал Антон.

— Почему не ушло?

— Некому собирать.

Он достал небольшую коробку.

— А это пришло сегодня.

— Что там?

— Компоненты. На двадцать семь процентов дороже.

— Почему?

— Поставщик поднял цены. Говорит, закупка дороже, сроки длиннее, крупные заказчики забирают объёмы.

— Какие?

Антон посмотрел на него.

— Не знаю.

Следующая фраза прозвучала не сразу.

— И не хочу придумывать. Но цена уже здесь.

Он кивнул на коробку.

— Я ещё станок хотел купить, — сказал Антон.

— Передумал?

Антон повернул экран ноутбука. На нём был расчёт кредита.

— С такой ставкой он должен работать почти без остановки, чтобы я обслуживал долг.

— Значит, не берёшь?

— Не беру.

— Поднимешь цены?

— Подниму.

— Клиенты?

— Часть уйдёт.

Антон усмехнулся.

— Мирный клиент умеет говорить «дорого».

— А другой?

— Другой умеет говорить «нужно».

— Что значит «другой»?

Антон закрыл ноутбук.

— Мне предложили заказ.

— Какой?

— Электроника.

— Для кого?

— Посредник.

— Назначение?

— Прямо не сказали.

— Но ты понял.

Антон не ответил.

— Взял?

— Нет.

— Почему?

— Не захотел.

Антон посмотрел в сторону пустого стола.

— Пока.

На следующий день Макс позвонил Виктору.

— Как дела?

— Ты как друг спрашиваешь или опять книгу пишешь?

— Как друг.

— Тогда плохо.

— А для книги?

— Что случилось?

— Ничего.

— Это как?

— Бумага дороже. Краска дороже. Кредит дорогой. Клиенты режут заказы. Технолог ушёл.

— Куда?

Виктор назвал предприятие.

— Оборонное?

— В том числе.

— Сколько предложили?

— Столько, сколько я не могу.

— Почему?

— Потому что я печатаю упаковку и каталоги. Мне сначала нужно найти человека, который согласится за них заплатить.

Макс вспомнил: «Мирный клиент умеет говорить «дорого»». Вечером он ехал через город. В ресторане за стеклом не было свободных столиков. Через дорогу продавали квартиры в новом доме. На светофоре рядом остановилось такси. Мужчина на заднем сиденье говорил по телефону:

— Да, в Турцию. На десять дней.

Загорелся зелёный. Город поехал дальше. Мирная экономика никуда не исчезла. Через два дня снова позвонил Антон.

— Помнишь заказ?

— Который ты не хотел брать?

— Да.

Ответ стал ясен раньше вопроса.

— Взял?

— Взял.

— Почему?

— Потому что у меня люди.

— Обычных заказов не хватает?

— Хватает.

— Тогда зачем?

Антон раздражённо выдохнул.

— Обычный заказ сегодня есть, завтра нет. Этот дают на несколько месяцев. Объём известен. Срок известен. Деньги известны.

— А назначение?

Никто не ответил сразу.

— Антон.

— Что?

— Ты знаешь, о чём я спрашиваю.

— Знаю.

— И?

Антон ответил тихо:

— Я не хочу увольнять людей.

Макс ещё несколько секунд держал телефон у уха. Неделию назад военный контур забрал у Антона специалиста. Теперь пришёл за самой мастерской. У входа курьер передавал девушке цветы. Потом написал:

ВОЕННЫЙ КОНТУР ВСЁ СИЛЬНЕЕ КОНКУРИРОВАЛ С МИРНЫМ ЗА ЛЮДЕЙ, ДЕНЬГИ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ МОЩНОСТИ.

Глава 31. ДОЛГАЯ

Макс заметил это не в новостях. В календаре. На экране переговорной висела таблица: этапы, сроки, финансирование.

— Этот объём в текущий период не войдёт, — сказал мужчина у экрана. — Переносим на следующий.

— Деньги подтверждены?

— На первый этап — да. Дальше предусмотрено продолжение.

— До какого года?

Мужчина назвал. Никто не отреагировал. Женщина напротив листала смету.

— Если сейчас не заложим проектирование, потеряем два года.

— Почему два?

— Проектирование, экспертиза, закупка.

— Тогда ставим.

На экране появилась новая строка. Никто не произносил слово «война». На другой встрече директор предприятия объяснял:

— Оборудование заказываю сейчас. Поставка — восемь месяцев. Потом монтаж. Запуск.

— А загрузка?

— Поэтому мне нужен горизонт.

— Какой?

— Хотя бы три года.

— Люди?

— Готовим.

— Когда будут готовы?

— Не завтра.

Он открыл таблицу. «Это надолго». На следующий год уже стояла встреча. Ниже — день рождения Michael. Макс увидел пометку и не смог вспомнить, где сын отмечал прошлый. Он набрал сообщение: «Как ты?» Ответ пришёл через минуту: «Работаю». Ещё через одну: «Мы все работаем, пап».

Макс закрыл календарь. Три года, пять лет, следующий этап — время научилось выглядеть как таблица. По книге. Зазвонил телефон. Алекс.

— Опять книга?

— Да.

— Макс, ты понимаешь, что уже несколько лет доказываешь себе одно и то же?

— Я ничего себе не доказываю. Я проверяю.

— Хорошо. Проверяешь.

— Это разные вещи.

— Для тебя — да.

— Ты позвонил поспорить?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Услышать тебя.

Алекс помолчал.

— Я помню тебя до того, как у тебя на каждый страх появился файл.

— И?

— Иногда мне кажется, что ты научился понимать страну лучше, чем людей рядом.

— Что это значит?

— Ты всё время говоришь, что страна научилась жить так, будто это надолго.

— Я не так говорю.

— Конечно.

— Институты принимают решения, рассчитанные на длительный горизонт угрозы. Это не одно и то же.

— Вот.

— Что?

— Ты даже со мной разговариваешь как со своим документом.

— Алекс, что ты хочешь сказать?

— Ничего про войну.

— А про что?

— Про тебя.

— Ты несколько лет изучаешь, как человек привыкает жить внутри того, что раньше считал временным.

— И?

— И не заметил, как сам там поселился.

Макс встал.

— Я пытаюсь понять, куда всё идёт.

— Знаю.

— Если я перестану смотреть, направление не изменится.

— Я не прошу тебя перестать смотреть.

— Тогда что?

— Иногда смотри на себя.

Алекс продолжил:

— Когда ты последний раз планировал что-нибудь на следующий год, что не связано с войной, книгой или проектом?

Макс хотел ответить. Не смог.

— Видишь?

— Сейчас всё со всем связано.

Алекс тихо усмехнулся.

— Именно.

— Что именно?

— Раньше ты изучал, как война входит в обычную жизнь.

— Теперь у тебя почти не осталось жизни, в которую она ещё должна войти.

После разговора он долго не открывал ноутбук. Раньше длительность войны он пытался понять по заявлениям и срокам. Теперь писать о сроках не хотелось. Впервые его интересовало не то, сколько ещё продлится война, а сколько собственной жизни он уже отвёл ей.

Catherine приехала к нему без предупреждения. Сняла куртку, прошла на кухню и долго смотрела, как за окном медленно ползёт вечерний Етербург.

— Пап, а куда мы вообще идём?

— В каком смысле?

— В прямом.

Макс поставил чайник.

— До всего этого у нас было хорошо? — спросила она.

— Не всё.

— Я не спрашиваю, было ли идеально.

Чайник щёлкнул.

— Я спрашиваю: стало лучше?

— Тогда зачем?

Он знал десятки способов разложить вопрос на причины, ограничения, исторический контекст и интересы сторон. Ни один не годился для кухни. Catherine провела пальцем по запотевшему стеклу.

— Я всё время слышу, что надо ещё немного потерпеть. Только «немного» каждый год становится длиннее.

Макс налил воду в чашки.

— Я пытаюсь понять.

— Ты всю жизнь пытаешься понять.

Она посмотрела на него.

— А жить когда?

— Ты всё ещё думаешь, что если достаточно хорошо описать систему, она тебя услышит?

— Я думаю, что без описания она точно не услышит.

— А жить когда?

Макс хотел ответить привычно — про время, ответственность, окно возможностей. Catherine подняла ладонь.

— Не надо. Я знаю твои аргументы. Я спрашиваю не про страну. Я спрашиваю про тебя.

Впервые за долгое время у Макса не оказалось формулы.

Глава 32. ЦЕНА МИРА

Макс начал с первого дня.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. МИР.

Макс позвонил Виктору.

— Представь, завтра война закончилась.

— Хорошо.

— Что сделаешь утром?

— Поеду на работу.

— Станок купишь?

Виктор усмехнулся.

— С утра?

— Вообще.

— Если кредит подешевеет.

— А он подешевеет?

— Откуда я знаю?

— Заказы вернутся?

— Какие?

— Мирные.

— Они и так есть.

— В прежнем объёме?

Несколько секунд никто не говорил.

— Макс, если кто-то подпишет бумагу, у моих клиентов от этого деньги на счёте не появятся.

— Значит, ничего не изменится?

— Изменится.

— Что?

Виктор помолчал.

— Вот это и неизвестно.

После разговора Макс записал: Удалил. Он позвонил Антону.

— Представь, завтра война закончилась.

— Хорошо.

— Дима вернётся?

— Куда?

Макс не сразу ответил.

— К тебе.

— Почему?

— Контракт закончится.

— И?

— Ты возьмёшь его обратно?

— Если будет место.

— Оно будет?

— Не знаю.

— Военный заказ останется?

— Не знаю.

Антон выдохнул.

— Ты хочешь, чтобы я тебе будущее рассказал?

— Нет.

— Тогда что?

— Пытаюсь понять, что исчезнет вместе с войной.

Антон ответил не сразу.

— Не люди.

— В смысле?

— У них уже другая работа. Другая зарплата. Другие обязательства.

— Иногда другая жизнь.

Макс не нашёл ответа сразу. После звонка он написал:

ЧЕЛОВЕК НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ТОЧКУ, ИЗ КОТОРОЙ УШЁЛ.

Эту строку оставил. Через два дня он встретился с Леней. Тот сидел в кафе у окна.

— Если завтра мир, второй цех откроешь?

Леня поднял глаза.

— Завтра?

— Вообще.

— Не знаю.

— Через месяц?

— Не знаю.

— Через год?

— Если пойму, что можно.

— Что именно?

— Планировать.

Макс вспомнил:

— Мир этого не даст?

— Мир даст шанс.

— А уверенность?

— Нет.

Леня отпил кофе.

— Мне нужны не слова. Мне нужно несколько лет, в которых правила не меняются быстрее, чем я успеваю платить за предыдущие.

— То есть мир сначала должен доказать, что он мир?

Леня пожал плечами.

— Я мебель делаю, Макс.

— Ты уходишь от вопроса.

— Это и есть ответ.

Вечером Макс открыл демографические таблицы. Дети, которые не родились несколько лет назад, не появлялись задним числом. Уехавший специалист мог не вернуться. Он открыл бюджет. Люди — новую жизнь. То, что несколько лет строилось вокруг войны, не исчезало в день её окончания. Не потому, что кто-то обязательно хотел сохранить войну. Потому что вчерашние решения продолжали действовать сегодня.

Макс снова увидел пустой центр схемы из предыдущей главы. Вчера вопрос казался точным. Сегодня — опасно близким к ответу. Сегодня — почти окончательным. Он открыл новый документ.

ЦЕНА МИРА.

Мир должен остановить войну. Мир должен пережить то, что война оставила после себя. Макс задержал пальцы над клавиатурой. Слово «вернуться» вдруг показалось ложным. Потом написал:

КАК ОСТАНОВИТЬ СИСТЕМУ, КОТОРАЯ НАУЧИЛАСЬ ЖИТЬ ВНУТРИ ВОЙНЫ?

Долго смотрел на вопрос. Алекс пришёл поздно. Увидел экран.

— О чём?

— О мире.

— И что с ним не так?

Макс повернул ноутбук. Алекс прочитал.

— Ответ есть?

— Пока нет.

— Но выглядишь так, будто уже нашёл.

— Я понял масштаб проблемы.

— Я не об этом.

— Контракты не исчезнут. Люди автоматически не вернутся. Предприятия не перестроятся за ночь. Цены не откатятся. Демография не восстановится.

— Я понял.

— Нет, не понял.

— Понял. Ты объясняешь, почему трудно.

Макс замолчал. Алекс посмотрел на него.

— Ты уже пять лет объясняешь, почему остановиться трудно.

— И?

— А что должно сделать остановку возможной?

Он хотел ответить. Не ответил.

— Вот, — сказал Алекс.

— Что «вот»?

— Ничего.

Макс раздражённо откинулся на спинку стула.

— Система перестроилась слишком глубоко.

— Может быть.

— Что значит «может быть»?

— Ты же сам учил себя не говорить сильнее, чем знаешь.

— Назад уже не вернуться.

— А кто сказал, что нужно назад?

Вопрос оказался слишком простым. Факты, которые он собирал годами, объясняли, почему изменить направление трудно. Не почему невозможно. Он вспомнил фразу: «Назад уже не вернуться». Теперь она впервые выглядела не выводом, а вопросом. Только вопросом. Но признать ошибку Макс ещё не был готов.

— Мне нужно подумать.

Алекс кивнул.

— Наконец-то.

— Что?

— Наконец-то ты не знаешь.

После его ухода Макс снова открыл файл. Удалил вторую строку. И увидел папку, которую давно почти не замечал.

ПРОЦВЕТАНИЕ.

Открыл. Записи Огнева. Макс смотрел на него. Последние годы он изучал систему, которая всё лучше умела продолжаться. Как она приспособливает институты. Как создаёт стимулы. Как делает временное устойчивым. Как превращает последствия в причины собственного продолжения.

Он всё время задавал вопросы, на которые не хотел придумывать удобные ответы. Макс ничего не написал. Рядом оставалось одно слово:

ПРОЦВЕТАНИЕ.

Перед уходом Макс позвонил Серов — заместитель руководителя кризисного контура, с которым они несколько раз сталкивались на закрытых совещаниях. Серов никогда не повышал голос. Наверное, поэтому его слушали внимательнее тех, кто кричал.

— Ты опять пишешь про цену управления? — спросил он.

— Про цену мира.

— Это одно и то же, когда вокруг пожар.

— Не всегда.

— Макс, вчера мы за шесть часов перебросили резервное питание в три района. Если бы ждали согласований снизу, два стационара остались бы без электричества.

— И?

— И иногда вертикаль — не тюрьма. Иногда это провод, по которому приходит ток.

Макс промолчал. Серов продолжил:

— Ты боишься системы, которая научится решать за человека. Я боюсь момента, когда никто не решит вообще.

— А когда чрезвычайный режим закончится?

— Когда закончится чрезвычайная ситуация.

— Кто это определит?

На линии впервые возникла пауза.

— Вот поэтому ты мне и не нравишься, — сказал Серов.

— А ты мне?

— Я хотя бы не обещаю свободу человеку, который замерзает.

ЧАСТЬ V. ЧТО ВМЕСТО?

Глава 33. КРИТЕРИЙ

Лазьев всё-таки открыл ящик стола и достал два мандарина.

— Будете?

— Сейчас мы решаем судьбу страны.

— Именно поэтому. На голодный желудок судьбы стран решают особенно плохо.

Макс взял мандарин. Запах цедры перебил запах бумаги. Утром Макс позвонил Лазьеву.

— Я могу приехать?

— Можете.

Через два часа он сидел напротив него. Ноутбук лежал закрытым. Рядом лежал старый механический карандаш с потёртым металлическим корпусом. Лазьев пользовался им много лет и всякий раз машинально проверял грифель перед трудным разговором.

Телефон коротко завибрировал. Он посмотрел на экран, улыбнулся чему-то личному и перевернул аппарат стеклом вниз.

— У меня поезд вечером, — сказал он. — Поэтому давайте без красивых слов. Что именно вы хотите изменить к утру?

— Я могу ещё сто страниц написать о том, что не работает.

— Можете.

— И ничего не изменится.

— Вот теперь интересно.

На экране была папка, к которой он почти не возвращался последние годы.

ПРОЦВЕТАНИЕ.

Когда-то само название казалось ему ответом. Теперь — вопросом.

— Я перечитал старые материалы.

— И как?

— Много наивного.

— Наконец заметили.

Первый файл начинался с формулы, которую Макс повторял много лет. На странице стояло: «ЧЕЛОВЕК — ЦЕЛЬ».

Лазьев прочитал, поставил на полях короткую карандашную черту и посмотрел на часы.

— Хорошо.

— Правда?

— Для плаката.

— Я примерно этого и ожидал.

— Тогда зачем приехали?

— Потому что плакат мне больше не нужен.

За окном двигались машины. Люди переходили улицу на зелёный. Курьер остановил велосипед у входа. Всё работало. Макс вдруг подумал, что именно это всегда было самым убедительным аргументом любой системы. Она могла ошибаться годами и при этом продолжать работать каждое утро.

— Последние годы я пытался понять, где всё пошло не туда, — сказал он.

— Поняли?

— Нет.

— Тогда зачем столько написали?

— Чтобы хотя бы перестать врать себе, что проблема простая.

Лазьев покрутил карандаш между пальцами и едва заметно кивнул.

— Продолжайте.

Макс повернул ноутбук. На пустой странице написал:

*КАК ПОСТРОИТЬ СИСТЕМУ, КОТОРАЯ НЕ МОЖЕТ НАЗВАТЬ СЕБЯ УСПЕШНОЙ,
ЕСЛИ ЧЕЛОВЕКУ СТАЛО ХУЖЕ?*

Лазьев прочитал. Макс добавил вторую строку:

ЕСЛИ ЛЮДЕЙ СТАЛО МЕНЬШЕ?

— Вот что меня теперь интересует.

— Почему только теперь?

Лазьев не торопил. Карандаш лежал поперёк листа — так он обычно показывал, что формулировка ещё не выдержала проверки.

— Раньше мне казалось, что достаточно назвать правильную цель.

— А теперь?

— Теперь я видел слишком много правильно названных целей.

— И?

— Они не мешали делать противоположное.

Лазьев откинулся в кресле.

— Это уже не проблема формулировки.

— Именно.

На экране появилась другая схема. Ту, которую собрал несколькими днями раньше. В центре оставалось пустое место. А направление получалось общим.

— Я несколько лет искал того, кто это придумал, — сказал Макс.

— Нашли?

— Нет.

— Плохо искали?

— Думаю, его нет.

Лазьев ничего не ответил.

— Эту систему никто целиком не создавал, — продолжил Макс. — Значит, никто не может её изменить.

— Почему?

— Потому что нет человека, который может принять обратное решение.

— Почему?

— Что значит «почему»?

— Почему для изменения нужен тот же человек, который всё создал?

— Я не сказал, что тот же.

— Вы сказали больше. Вы решили, что отсутствие единого автора означает отсутствие возможности изменить систему.

— А разве нет?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Объясните.

— Нет.

— Почему?

— Потому что сейчас вы хотите получить новую готовую формулу вместо старой.

Макс откинулся назад.

— Я приехал за этим.

— Тогда зря.

Тишина стала неприятной. Лазьев взял ручку, но ничего не написал.

— Город кто создал? — спросил он.

— Какой?

— Любой.

— Люди.

— Кто конкретно?

— Никто конкретно.

— Значит, в нём нельзя изменить правила строительства?

Направление разговора стало ясным.

— Можно.

— Транспорт?

— Можно.

— Налоги?

— Можно.

Лазьев положил ручку.

— Достаточно.

Несколько дней назад пустой центр схемы казался Максиму доказательством. Теперь он провёл пальцем по линиям между блоками и увидел собственную ошибку: всё это работало без единого автора. Он искал человека, который однажды запустил механизм целиком, а не найдя его, слишком быстро принял отсутствие автора за приговор.

— Я перепутал отсутствие автора с отсутствием управления, — сказал он.

Лазьев ничего не ответил. Связи между блоками теперь читались иначе. Дима не получил приказ уйти от Антона. Антон не получил приказ проиграть конкуренцию за инженера. Виктору никто не запретил покупать станок. Лене никто не запретил открыть второй цех.

Каждое решение было свободным настолько, насколько свободным может быть решение внутри цены, кредита, риска и горизонта будущего.

— Тогда дело в стимулах, — сказал Макс.

— В том числе.

СТИМУЛЫ.

Макс подумал и выше написал:

ПРАВИЛА.

— Этого достаточно?

— Нет.

— Почему?

— Потому что стимул всегда стимулирует к чему-то.

Макс замер.

— Значит, сначала нужно определить направление.

Лазьев покачал головой.

— Нет. Сначала нужно понять, как вы узнаете, что выбрали его правильно.

— По результату.

— Какому?

Лазьев продолжил:

— Направление можно назвать правильным. Можно даже убедить в этом миллионы.

Вопрос в другом: что должно произойти в реальности, чтобы система получила право сказать — мы движемся туда?

В старой папке оставалась схема, которую они обсуждали много лет назад: Когда-то она казалась законченной. Технологии ускоряли то, что уже было выгодно. Но вопрос под ними оставался тем же. Как проверить, что движение не стало собственной иллюзией?

— Нужна координата, — сказал Макс.

Лазьев посмотрел на него внимательнее.

— Что вы называете координатой?

— То, относительно чего система определяет, движется она правильно или нет.

— Уже лучше.

На экране остались два вопроса.

— Если главным результатом считается военная устойчивость, система будет увеличивать военную устойчивость.

— Если сможет.

— А если главным результатом считается процветание человека?

Макс хотел ответить сразу. Не смог. Перед ним было слишком много старых документов, чтобы снова спрятаться за красивой формулировкой.

— Вот этого мы пока не знаем.

— Теперь правильно.

Макс почувствовал раздражение.

— Что правильно?

— «Не знаем».

— Отличное начало после стольких лет работы.

— Лучше, чем плохой конец после стольких лет уверенности.

Макс закрыл старые файлы. На экране остались только два вопроса.

— Но ведь что-то мы знаем.

— Конечно.

— Если человеку стало хуже, нельзя называть это успехом.

— Почему?

— Вы сейчас серьезно?

— Абсолютно.

— Это утверждение. Не критерий.

— Представьте, что человеку стало хуже сегодня, чтобы через десять лет стало лучше, — сказал Лазьев. — Успех?

— Зависит.

— От чего?

— От цены. От вероятности результата. От того, кто принимает решение. От того, можно ли проверить обещание.

— Уже сложнее.

Макс почувствовал, как привычная ясность снова уходит.

— Вы можете разобрать любую формулу.

— Два вопроса её ломают, — сказал Лазьев. — Значит, государство на ней пока не строим.

Макс медленно кивнул. Он хотел записать мысль, но остановился.

— Конечно.

— Тогда что достаточно?

Лазьев посмотрел на него почти с сожалением.

— Вы опять торопитесь.

— Я пять лет не торопился.

— Нет. Пять лет вы изучали другое.

— Значит, всё сначала?

— Нет.

— А как?

Лазьев указал на закрытый компьютер.

— Теперь вы знаете, какие ответы опасны.

— Утешает.

— Не должно.

Макс встал, но не ушёл.

— Есть одна вещь, которую я всё ещё не понимаю.

— Какая?

— Если направление создаётся миллионами решений, как его вообще менять?

Лазьев ответил не сразу.

— Так же.

— Миллионами решений?

— Правилами, стимулами, институтами.

— И целью?

— Прежде всего критерием успеха.

— Но прежде чем менять всё это, вы должны ответить на более простой вопрос.

— Какой?

Лазьев повернул к нему ноутбук и коснулся пальцем первой строки. Потом второй:

*КАК ПОСТРОИТЬ СИСТЕМУ, КОТОРАЯ НЕ МОЖЕТ НАЗВАТЬ СЕБЯ УСПЕШНОЙ,
ЕСЛИ ЧЕЛОВЕКУ СТАЛО ХУЖЕ?*

ЕСЛИ ЛЮДЕЙ СТАЛО МЕНЬШЕ?

— Что именно вы собираетесь измерять?

И впервые за долгое время отсутствие ответа не пугало его. Пугала готовая формула, которая слишком быстро начинала выглядеть истиной. Макс ничего не удалил. Он создал новый документ, перенёс туда два вопроса и оставил под ними целый экран пустым.

Курсор мигал в верхнем левом углу. Макс потянулся к клавиатуре, но Лазьев уже убирал карандаш в карман.

На этот раз Макс не стал заполнять пустоту ответом только потому, что ему хотелось уехать с ответом.

Под ними оставалось пустое место. На этот раз Макс не стал его заполнять.

Глава 34. НЕ ТВОЯ НАУКА

На первую рабочую встречу Макс принёс сорок семь страниц. Через двадцать минут Крылов сказал:

— Это не расчёт.

За столом сидели шестеро: Лазьев, Огнев, Крылов, специалист по демографии, социолог и Макс. На экране была таблица из папки ПРОЦВЕТАНИЕ.

— В каком смысле?

Крылов увеличил одну строку.

— Откуда коэффициент?

— Я сопоставил реальные доходы и рождаемость по регионам.

— Я вижу. Откуда коэффициент?

Макс почувствовал раздражение.

— Из динамики.

— Нет. Из вашего предположения о динамике.

— Это рабочая модель.

— Тогда покажите, почему изменение дохода должно давать именно такое изменение рождаемости.

— Там несколько факторов.

— В формуле их нет.

Макс посмотрел на Лазьева. Тот читал распечатку. Не вмешивался.

— Хорошо. Коэффициент можно пересчитать.

— Нельзя.

— Почему?

— Потому что сначала нужно доказать, что такую зависимость вообще можно считать так.

Макс откинулся в кресле.

Огнев перелистнул тетрадь. — Следующий блок. Пока этот не начал притворяться философией.

Перед ним лежала тонкая тетрадь в клетку. На внутренней стороне обложки детской рукой было когда-то написано: «Папе — чтобы ничего не забывал». Надпись выцвела, тетрадь — нет. Огнев всегда записывал в неё только то, что нельзя было исправить задним числом.

— Меня интересуют не ваши хорошие намерения, — сказал он. — Покажите место, где ошибка станет необратимой.

Крылов переключил страницу. Безопасность. Крылов ткнул в строку.

— Безопасность. Восемь процентов.

— Да.

— Почему восемь?

— Рабочий вес.

— Почему не двенадцать?

— Потому что тогда показатель начинает слишком сильно влиять на итог.

— На основании чего?

— Я тестировал разные варианты.

— На какой функции?

Пауза затянулась. Крылов посмотрел на него. Макс почувствовал, как жар поднимается к лицу.

— У меня нет функции в том виде, который вы имеете в виду.

— Значит, вес назначили вы.

— Не с потолка.

— Я этого не говорил.

— Но хотите сказать именно это.

— Нет. Я хочу сказать, что восемь процентов выглядят как результат измерения, хотя на самом деле это ваше решение.

Макс закрыл ручку.

— Кто-то должен был сделать первую версию.

— Конечно.

— Я её сделал.

— Конечно.

— В чём проблема?

Крылов повернулся к нему.

— В том, что первая версия стала выглядеть как методология.

— Она нигде не названа окончательной.

— Цифре всё равно, как вы её назвали.

— Что?

Крылов указал на экран. 8 %.

— Человек видит число и предполагает, что до него что-то измерили.

В комнате стало тихо.

— А если число выбрали? — продолжил Крылов. — Оно всё равно выглядит измеренным.

Макс смотрел на восемь процентов. Он много лет писал о языке, который превращает решение в объективность. НОРМАТИВНОЕ СОСТОЯНИЕ — это тоже чьё-то решение, если его превратить в показатель. Теперь рядом могло стоять: Цифра могла делать то же самое.

— Это рабочий документ, — сказал Макс.

— Тогда профессионалы должны иметь право сказать, что часть рабочего документа сделана непрофессионально.

— Проще сказать: дилетантская.

Крылов пожал плечами.

— В этой части — да.

— Что именно не выдерживает проверки?

Крылов ответил:

— Часть выводов не следует из данных. Там, где есть предположение, появилась цифра. Там, где есть корреляция, появилась причинность.

— Насколько серьёзно? — спросил Огнев.

— Экономический блок нужно собирать заново.

Макс повернулся к Крылову.

— Заново?

— Да.

— Я собирал его несколько лет.

— Это не делает его правильнее.

Исходные таблицы лежали перед ним.

— Вот данные. Доходы. Миграция. Жильё. Я ничего не придумал.

— Я не говорю, что придумали данные.

— Тогда что?

— Вы заставили их отвечать на вопросы, на которые они не умеют отвечать.

— Очень удобно.

— Что?

— Разобрать чужую работу и объяснить, почему всё сложнее.

— Это и есть часть работы.

— А построить что-нибудь?

Крылов выдержал паузу.

— Для начала не построить то, что рухнет.

Крылов говорил сухо не из любви к спору. За месяц до этого его подпись уже пытались поставить под расчётом, которому он не доверял. Второй раз он решил не быть удобным. Макс уже хотел ответить, но Лазьев спросил:

— Что вы сейчас защищаете?

— Работу.

— Нет.

— А что?

— Своё право быть её автором.

— Проект вообще-то мой.

— Вот именно.

Фраза ударила сильнее, чем замечания Крылова.

ПРОЦВЕТАНИЕ.

А сейчас Макс защищал восемь процентов только потому, что поставил их сам.

— Я не требую оставить мои цифры.

Крылов молчал.

— Я хочу понимать, что будет вместо них.

Огнев сделал в тетради короткую пометку. — Разумно. Подозрительно разумно — значит, проверим ещё раз.

Крылов закрыл таблицу.

— Сначала нужно разделить ценность, гипотезу и измеримый показатель. Потом проверять связи. Потом обсуждать веса.

— Сколько времени?

— Не знаю.

— Полгода?

— Возможно.

— Год?

— Возможно.

— И год мы будем обсуждать одну таблицу?

— Если понадобится.

— Отлично.

— Вы куда-то опаздываете?

Макс снова посмотрел на экран. В строке «Жильё» стояло: десять процентов. Цифра не требовала доверия. Она просто лежала в клетке таблицы и выглядела так, будто реальность уже согласилась.

— Убираем веса, — сказал Макс.

Крылов посмотрел на него.

— Не все. Только те, которые мы не можем обосновать.

— Хорошо.

Сказать это оказалось неприятно. Крылов открыл следующий файл. Макс остановил его.

— Подождите.

Все посмотрели на него.

— Тогда где моя работа?

Никто не ответил.

— Экономику должен делать экономист. Демографию — демограф. Социологию — социолог.

— Желательно, — сказал Огнев.

Макс проигнорировал его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.